

Цена 20 коп.
Индекс 72996

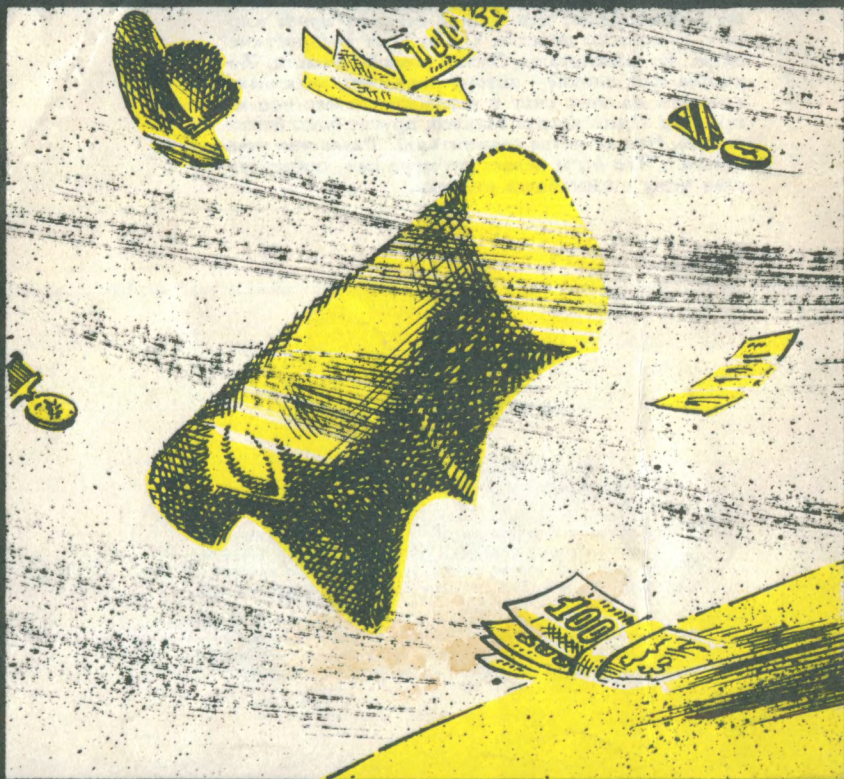

№ 24

ISSN 0132—2141

Р. КИРЕЕВ

УНОСИМЫЕ ВЕТРОМ

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

Куда спешишь?
Ты ведь родился уже...

P. Kuznetsov

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

№ 24
(1060)

Р. КИРЕЕВ

УНОСИМЫЕ ВЕТРОМ

Рисунки В. МОХОВА

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК КПСС
«ПРАВДА»
1988**

ЖИВАЯ ВОДА

«Я живу в районе новостройки» — так приблизительно должен был называться этот материал. И речь бы в нем шла о проблемах, с которыми сталкиваются обитатели жилых массивов, вырастающих как грибы на окраинах больших и малых городов.

Такое название не было бы литературным приемом. Я действительно вот уже несколько лет живу в подобном районе и многое, из того, о чем собирался говорить, познал, так сказать, путем эмпирическим. На собственной шкуре... Оттого-то и откликнулся с радостью на предложение редакции. И даже записал кое-что в блокнот.

Я записал, например, что район новостроек — это всегда район детей. Их здесь тьма-тьмушая, а игровых и спортивных площадок с гулькиным нос, в единственном на весь район книжном магазине хронически закрыт «Уголок школьника», магазин же «Детские товары» и вовсе отсутствует. Зато какой ювелирный отгрохали!

Я специально зашел в него. Много ли, думаю, людей в торговом зале?

Один... Один человек. И тот милиционер, охраняющий, как должно, выставленные в витринах драгоценности.

Имелись и другие фактики. Транспорт, коммунальные службы, телефонная связь, «очаги культуры» — словом, все то, из-за чего мыкаются, если не все, то многие жители так называемых новостроек. Даже поиронизировать собирался над этим словечком. Ну неудивительно ли

оно? Вдумайтесь... Раз уж строят, то новое. Старых домов, как известно, не возводят.

Обо всем этом я и размышлял, прогуливаясь по лесу, к которому вплотную примыкает наш район. И который является его главным достоинством. «Зато у нас лес!» — говорим мы с пафосом, и пусть фантазия читателя дорисует, что под этим элегическим «зато» разумеется.

Итак, лес. Макушки сосен качаются, шелестят кроны берез... Белеют и чернеют стволы.. А ниже? О, ниже лучше не смотреть. Ибо на такое натолкнется взгляд, что мигом испарится настроение благодной созерцательности. Битое стекло, шмоты целлофана, ржавые жестянки...

Но ничего, мы люди опытные, мы научились не замечать. Вызываем, например, лифт, ждем, когда раздвинутся двери, и входим внутрь, зажмурившись и по возможности не дыша.

Так же и в подъезд свой. Несемся, не замечая живописно размалеванных стен, выбитых стекол и покореженных перил. Скорей! Скорей! И, лишь открыв обитую дерматином дверь с глазком посерединке, переводим дух. Фу-у! Вот мы и дома. ДОМА. Все же, что осталось по ту сторону порога, не дом.

А что? Что такое, спрашиваю я, наши усеянные окурками подъезды, наши лестничные площадки, наши мусоропроводы, куда мы разве что старые холодильники не сунем, наши автобусные остановки с разрушенными павильонами? Наши до блеска вымытые окна, из коих мы швыряем в мир дольный апельсиновую кожуру и обглоданные кости?

Соседи? А соседи не видят. Да и что нам соседи, если даже имена их нам толком неизвестны. Это во времена коммуналок каждый знал друг друга как облупленного, а сейчас между нами этажные перегородки. Сейчас между нами крепкие двери, которые запираются на два замка и без особой надобности не открываются. Редкость, если кто пожалует вдруг за солью или лавровым листом, и уж совсем немисливо, чтобы нашмышленный ребенок привел в дом ватагу друзей. Знает, грамотный человек, что ковры дороги и вытрясать их трудно.

Все мы мечтали когда-то о благоустроенных квартирах, в которых живем ныне. Так что же с грустью вспоминаем подчас о временах керогазов, примусов и общих, на пять семей, счетчиков?

Вспоминаем ведь. Но вот о примусах ли? О водопроводных ли колонках, которые в мороз приходилось разогревать этими самыми примусами? О дворовых ли уборных, возле которых выстраивалась по утрам очередь?

Нет. Иное влечет нашу память в те достославные времена — упаси меня бог идеализировать их. Не колонка и не чадающий керогаз. Дух... Дух общежития, который, увы, не всегда поселяется в наших чудесных, в наших благоустроенных, в наших комфортабельных домах.

Вот такое колечко выкинула вдруг моя мысль, которую я призывал сосредоточиться на узких местах современных новостроек. Но ведь построят же в конце концов магазин «Детские товары»! Решат транспорт-

ные проблемы Заасфальтируют подъездные пути... Существуют организации, которые обязаны сделать все это и с которых можно спросить, если не сделают. Им-то и собирался я адресовать фельетон.

Куда адресовать то, что вы читаете сейчас, я не знаю. Нет в природе такой инстанции. Никто не сообщит нам: «Выступление журнала признано правильным, меры приняты. Дух общежития восстановлен. Микроклимат в микрорайоне приведен в порядок».

Так примерно размышлял я, гуляя по лесу. Птичек слушал да глазел на безопасные для взгляда верхушки деревьев. Но время от времени и вниз посматривал, дабы не споткнуться.

И вдруг взор мой замер, удивленный. Что такое? Ни одной бумажки, ни одного окурка, ни одной ржавой банки из-под «Частика в томатном соусе».

Я глазам своим не верил. Где я? Куда попал? Быть может, в мини-заповедник, куда ступать без специального разрешения не дозволено?

Нет, люди ходят. Много людей — интенсивность движения тут гораздо выше, нежели в других местах.

Но как аккуратно они ходят! Как тихо говорят! Какие у них — да простит мне читатель эту некрокодильскую лексику — славные лица!

И еще одно объединяло всех этих граждан. Каждый из них нес какую-то емкость. Бидон... Чайник... Кувшин... Трехлитровую бутылъ в авоське...

Заинтригованный, я приблизился к небольшой лощинке. В ней бил ключ, вправленный для удобства пользования в неширокую трубу. Досточки, кирпичики... А чтоб легче спускаться было, в земле выдолблены ступеньки.

Мужчина наполнял вместительный термос. Остальные ждали. По сути дела, это была очередь, но клянусь вам, что такой вежливой, такой терпеливой, такой благожелательной очереди я сроду не видал. Никто не отпихивал вас, а, напротив, подавал руку, поскольку ступеньки были скользки от воды. Никто не цедил: «Куда прешь!»

— Вам попить? — с улыбкой обратилась ко мне женщина, очередь которой как раз подошла. — Пожалуйста. А то ведь мы долго все. — И протянула кружку.

Пить мне не хотелось, но я спустился, набрал воды (все спокойно ждали), сделал несколько глотков. Выплеснув что осталось, хотел вернуть кружку женщине, но она:

— Вы ее на место поставьте. — Все с той же улыбкой.

На место? У кружки этой есть место? Мигом вспомнил я, что делается у автоматов с газировкой, где всего один-единственный стакан (остальные испарились). Вспомнил копеечную шариковую ручку, что приковывают к окошку кассы, дабы по рассеянности не сперли... Ну и так далее.

Много замечательных минут провел я у этого безымянного родника. И в тот день. И на другой. И на третий... (Редакция теребила: где

обещанный материал?) Пил водичку да смотрел на людей, которые приходили сюда. Это были маленькие девочки в венках из одуванчиков и древние бабуся. (Этим набирали воду вне очереди.) Солидные дяди и подростки в джинсах. Дамы с собачками, причем последние не носились как оглашенные, а дисциплинированно ждали хозяев. Юные супруги с колясками... Все предупредительны, все в прекрасном расположении духа. Улыбаются...

Ба, да неужто это те самые люди, что косо смотрят на инвалида, берущего без очереди кило апельсинов? Что разрисовывают стены подъездов? Сжигают в лифтах пластмассовые кнопки? Крушат павильоны на автобусных остановках?

Те самые... Не персонально, нет, но, в общем, ведь те самые. Не с другой же планеты прилетели. И даже не из соседнего района приехали.

Что же, в таком случае, случилось с ними? Уж не вода ли подействовала?

Я проверил. Устроил дома дегустацию. В один стакан налил родниковой водицы, в другой — из-под крана, и мало кто сумел отличить, где какая. Я, во всяком случае, не сумел... Хотя люди у родника утверждают, что принесенная из лесу чище и вкуснее водопроводной. Поэтому, дескать, и ходят сюда.

Но я думаю — не поэтому. Не только поэтому. Обычная грунтовая вода становится водой живой, пока мы стоим, каждый со своей посудинкой, рядом с другими людьми и видим в этих других людях не тайных мизантропов, а товарищей по дому. По общему нашему дому, не расчлененному дверьми с глазком.

Вот, собственно, и все, о чем собирался я поведать вам. Перечитаю сейчас, возьму бидончик — специально купил! — и потопаю не спеша в лес.

УНОСИМЫЕ ВЕТРОМ

С чего началось все? С климата. С причерноморского климата, которого в Таежной области, где проживала семья Юриных, не было, а, скажем, в Витте был. Правда, в Таежной области у Юриных имелась трехкомнатная квартира, в Витте же они не располагали даже временкой, но ничего, сказала Муза Михайловна. Будет! И, расторгнув с мужем брак, махнула в облюбованный ею причерноморский городок. Здесь она приглядела себе комнатенку, ветхую и размером очень даже скромную, но так как на одного человека площади хватало, комнатенку Музе Михайловне купить разрешили.

В тот же миг из Таежной области прибыл, навсегда оставив родственников квартиру, бывший муж Артур Иванович. Мягкий морской

климат действовал умиротворяюще, и распавшаяся было чета вновь воссоединилась. В результате этого повторного брака на свет родился острый дефицит жилой площади. Ибо и новоиспеченный муж, и разменявший третий десяток сын были без проволочек прописаны в той самой скромной комнатенке, что приобрела якобы только для себя Муза Михайловна.

— Ну что ж! — сказала мудрая женщина. — В тесноте да не в обиде... Будем строить! Раздвинем домик шири и ввысь.

На этом месте юридически подкованный читатель непременно споткнется. А как же, полубопытствует он, известное постановление, запрещающее индивидуальное строительство в трехкилометровой зоне Черноморского побережья? Или, может, дом Юриных расположен не в трех километрах от берега, а чуточку дальше?

Не дальше. Ближе. Гораздо ближе — почти в центре Витты, так что, когда море штормит, из распахнутых окон слышно.

Тем не менее горсовет разрешил Музе Михайловне пристроить еще одну жилую комнату, а также веранду и помещение для котельной. Правда, разрешил не сразу. Первая попытка не удалась — ее торпедировала исполкомовский юрисконсульт. Наотрез отказалась она визировать проект решения ввиду его противозаконности.

Сие обстоятельство было учтено: в следующий раз никакого проекта ей просто-напросто не показали. Заодно его скрыли от большинства членов исполкома. Контрабандой протащили...

Темп! Главное, как известно, темп. Бумаги еще путешествовали в исполкомовских кабинетах, а Юрины уже возвели фундамент и теперь спешно наращивали толстые стены. Без всякого проекта, как бог на душу положит. По принципу: чем больше, тем лучше. Так, вместо одной комнаты, дозволенной контрабандным решением, отгрохали две. Да еще коридор... Да еще мансарду... Ветхий домик, в котором, помимо Юриных, жили еще две семьи, не выдержал: треснула капитальная стена.

Люди за стеной вздрогнули и взвели очи. Что увидели они? Высокую готическую крышу, которую подняли в небеса новые соседи и с которой во время дождя обрушивались потоки воды.

Крыша? Вода? Заливаем? Фи! Ни Муза Михайловна, ни Артур Иванович разговаривать на эту тему не желали. Иное волновало их.

— Не возражаете ли вы, — обратилась Муза Михайловна к соседям Потаповым, — если мы прорубим на ваш участок парочку окон и одну дверь?

— Дверь? — удивились Потаповы, люди пожилые и немало повидавшие на своем веку. — Зачем?

— А затем, чтобы входить в нее. Зачем же еще! А также выходить.

— Через наш участок?

— Через ваш, — ласково подтвердили Юрины. — Вы что, против?

— Конечно, против!

— А мы — за! — объявила Муза Михайловна. — И горсовет, я думаю, поддержит нас.

Она правильно думала: горсовет поддержал. Очередным своим решением оттяпал у Потановых шмат земли, которую те возделывали вот уже четыре десятилетия, и передал его в распоряжение вновь прибывших.

Посыпались жалобы. В них фигурировала и вторая комната (нелегальная), и мансардная крыша (тоже нелегальная), и нелегальный коридор. Пришлось исполкому создавать специальную комиссию. Та установила: есть вторая комната, есть мансардная крыша, есть недозволенный коридор. Но в область, которая строго запросила: «Что там у Юриных?» — был послан официальный ответ: «Ничего. Строят согласно нашему решению, отступлений не замечено».

Успокоительную бумагу эту подписал первый заместитель председателя исполкома. Область, однако, не успокоилась. (Ее продолжали бомбардировать жалобами.) Вторично запросила, и тут уж ответил сам председатель Карандашов. Никаких, уведомил, нарушений нет. Порядок полный.

Юрины улыбались. Юрины говорили, потирая руки.

— Климат! Какой климат!

Климат и впрямь был отличный. Для Юриных... Вообще для *влиятельных* людей, к коим Юрины, как уже наверняка понял читатель, относились.

Я умышленно выделяю это слово, дабы хоть как-то обозначить различие между влиянием, которое завоевано трудом праведным, и вли-

янием... Как бы это назвать его? Из-под полы, что ли. Вот-вот, влиянием из-под полы.

Как приобретают его? По-разному. Один в мясники идет и мигом обрастает знакомыми, которые прежде не замечали его, а теперь первыми раскланиваются. Другой устраивается механиком в автосервис. Третий принимает под свое начало базу стройматериалов, а на базе этой — кирпич и цемент, обои и лес, плитка керамическая и фаянс... Всё дефицит, и дефицит острый, а у кого дефицит, у того, как известно, и влияние. Так что если ты даже новый человек в городе, без людей, готовых услужить тебе, не останешься.

Это уже не общие рассуждения, это я опять о Юриных говорю. Конкретно — о Музе Михайловне. Ибо это она, «товаровед высшей квалификации», приняла под свое начало виттинскую базу стройматериалов, и с тех пор — по счастливому совпадению — судьба улыбалась ей беспрестанно. То незаконное строительство разрешит. (В лице исполкома.) То незаконно клочок земли подарит. (В его же лице.) То отrapортует в область, что Юрины, дескать, — сама добродетель и на йоту не отступают от своего скромного проекта, хотя весь город видит, экий домиче возводится ими в охраняемой государством прибрежной зоне.

Сильные люди... Влиятельные люди... Взялись рука за руку, и попробуй круг этот разорвать!

— Климат! Какой климат!

Но вдруг изменилась погода. Вдруг свежий ветер подул, и стало не по себе *влиятельным* людям. Всюду стало им не по себе — всюду! — в том числе, разумеется, и в тихом курортном городе.

В одночасье отменил исполком свои незаконные решения. В одночасье признал самовольным строение Юриных. «Снести!» — приказал и даже срок назначил — свежий ветер! — но Юрины, смеясь, показали кукиш. Укрепляли и благоустраивали незаконно возведенный дом, уверенные, что то не климат изменился, то легкие тучки налетели на доселе безоблачный горизонт.

Супруги ошибались. Дом снесли-таки, и случилось это незадолго до приезда в Витту вашего корреспондента. На базе стройматериалов Муза Михайловна уже не работала — вежливо попросили. Именно вежливо. Очень вежливо... С переводом на другую базу, продовольственную, где дефицита, как известно, не меньше, а оклад — тот даже и больше чуток.

Тем не менее настроены супруги Юрины боевито. Шлют письма во все инстанции, отстукивают, не скупясь, телеграммы, которые заканчиваются словами: «Спасите! Коммунисты Юрины» (оба — члены партии), когда же я осведомился, чего добиваются они, ответили в один голос:

— Пусть убытки возместят.

Ладно, их можно понять. То, что для всех для нас — свежий ветер, для Юриных, вообще для *влиятельных* людей (для бывших *влиятельных*) — разрушительная стихия. Поэтому мне, признаюсь, было куда ин-

тересней, что скажут те, кто потрафлял Юриным. Кто принимал противозаконные решения. Кто подмахивал липовые ответы на жалобы.

Я беседовал с ними. И с председателем исполкома Петром Петровичем Карандашовым. И с замом его. И с секретарем исполкома.

Улыбаются... Разводят руками... Виноваты, мол, дали маху...

— Понять не могу, — пожаловался мне Петр Петрович, — как вообще умудрилась Юрина прописаться так быстро. У нас с этим сложно... Как дом ей продали? Не должны были продавать — площади не хватает. На троих-то!

Это глава города говорил. Это он понять не мог. Пришлось корреспонденту просвещать его. Про развод рассказывать. Про квартиру, которая осталась в Таежной области. Ничего этого Петр Петрович не знал... Но и корреспондент, в свою очередь, попросил просветить его. Растолковать, например, каким образом он, Петр Петрович Карандашов, председатель исполкома, подписал решение, противоречащее известному постановлению. Или не знал тоже?

— Как не знать! Стольким отказываем, ссылаясь на него.

— А здесь не отказал.

Улыбается. Разводит руками. Много, говорит, ходатаев было. Теперь, говорит, изменились времена. Свежий ветер подул, чувствуете?

Чувствуем. Это мы все чувствуем. Чувствуем и радуемся, но, радуясь, давайте не забывать, что погоду — как хорошую, так и плохую — делает не один человек, не два и не десять, а все мы. Каждый на своем месте.

СТЕНА

Сколько раз отправлялся я в командировку с благородной миссией поддержать доброе начинание! Защитить его. Пригвоздить к позорному столбу злодея-консерватора, что ставил палки в колеса.

Ах, как чесались руки! Какие гневные слова роились в голове!

Напрасно роились. Сникшим и растерянным уезжал домой.

Факты не подтверждались? Да нет, нередко подтверждались. И начинание оказывалось действительно добрым — никто не отрицал этого, а палки в колеса ставились. Но вот кем персонально — понять не мог. Не было злодея. Все добрые, хорошие люди. Честные. Умные. Отнюдь не ретрограды...

Потом сообразил: они-то как раз, эти славные, эти обаятельные люди, и суют палки в колеса. Не каждый в отдельности, а многие из них. Все вместе. Скопом... Я даже имя дал им (обобщенное) — Пал Палычи. И вот, слыша теперь, что та или иная хорошая задумка не осуществилась, кто-то, дескать, помешал, я знаю, кто. Пал Палычи.

Не я один был удивлен переменной в судьбе Танцорина. Другие то-

же. Больно уж не вязалась его мешковатая фигура в потертом костюме и сапогах с образом раскатывающего на «Волге» большого начальника.

Прежде на «козле» ездил. На хлопающем брезентом «ГАЗ-69». Причем сам за рулем сидел, посему я, зажав в руке бесполезный блокнотик, не решался отвлекать его вопросами.

Заводишко его не был ни самым крупным в отрасли, ни самым рентабельным. Так, середнячок. Кабачковую икру гнал, томатный сок, огурцы маринованные... Лихорадило его, как и всю нашу консервную промышленность, из-за тары. Но даже о ней Танцорин говорил нехотя, хмурился да беспрестанно курил дешевые сигареты. А «газон» свой имел привычку загонять в такую грязь, что мне не выйти было в своих городских штиблетах. Но ему хоть бы хны. Хлопал дверцей и уходил не оглядываясь. Лишь жижа насмешливо чавкала под ногами.

И вот этого утрюмца, этого медведя вытащили из его глубинки и поставили во главе объединения. Восемь консервных заводов входило в него, в том числе и его бывший. По всей области были разбросаны они — кто ближе, кто дальше, но незримые нити от всех них сходились в одном месте. То был трехэтажный, гудящий, как улей, особняк в центре областного города. Все восемь заводов управлялись отсюда.

Строго управлялись. Жестко. Ни на шаг не отпуская от себя. Даже своих расчетных счетов в банке у заводов не было. Не было бухгалтеров, не было плановиков... Чтобы узнать, как обстоят дела на собственном предприятии, приходилось связываться по междугородному телефону с «ульем».

— Ну, что там у нас?

Это все равно, что вы позвонили б приятелю в соседний город, сказали б, что говорите из дому, и осведомились, что у вас дома новенького. Представляете, что подумал бы о вас ваш приятель! А тут — ничего. Пошелестев бумажками, отвечали, что объединение в целом с планом справляется.

Объединение в целом! Вы из кожи вон лезете, трудовые совершаете подвиги, но где-то на родственном предприятии бьют баклуши, и все ваши старания псу под хвост.

На одном из таких бесправных заводиков и мыкался Алексей Дмитриевич Танцорин. И вот круто вверх взлетел. Во главе того самого трехэтажного улья поставили...

Кто первым поздравил его? Разумеется, Пал Палыч. Один из многочисленных Пал Палычей, что населяли улей. В Москву позвонил, куда Танцорин отбыл в командировку, в гостиницу, но Алексей Дмитриевич принять поздравление отказался.

— Еще ничего неизвестно, — буркнул он.

— Известно, — возразил, не повышая голоса, (а расстояние полторы тысячи километров!) Пал Палыч. — Приказ подписан десять минут назад. Вам сообщает сейчас.

И действительно. Не успел Танзорин положить трубку, как раздался звонок из министерства. Просили срочно явиться...

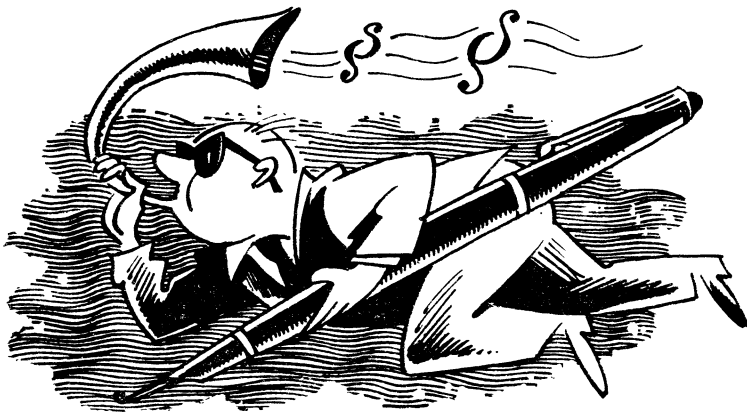
Вот каким ясновидцем был один из будущих подчиненных новоназначенного генерального директора. А уж как специалист равных не знал себе. Наизусть помнил все кодексы, все инструкции, все приказы и положения. Беря кипу актов, коими заваливал клиент из-за плохой в основном тары, не спеша перелистывал их и откладывал в сторону. Там формулировка неправильная, здесь подписи не хватает... И на этом, между прочим, сэкономил тысячи рублей. В трубу вылетели б на одних только штрафах...

Отправляясь в вышестоящие организации, предшественник Танзорина обязательно прихватывал с собой кого-нибудь из Пал Палычей. Тот скромно держался сзади. Но чуть что, и он тут как тут.

— Позвольте дать справку?

И на полированный стол выкладывалась бумажка, которая мигом снимала все вопросы. Не было случая, чтобы такой спасительной бумаги не нашлось в кожаной, с молниями и монограммой папочке Пал Палыча.

Ни один мало-мальски существенный вопрос не решался без его участия. Распределение ли квартир, путевки ли, дефицитный ширпотреб для поощрения добросовестных работников... А так как, если на круг брать, добросовестно работали, в общем, все, то все рано или поздно могли приобрести, например, ковер (ковры еще были по записи) или

купить на ярмарке, которая устраивалась для управленческого аппарата, разные модные вещишки.

Все, повторяю, работали хорошо, но что ж кабачковая икра пропала (к тому времени она уже пропала)? Где маринованные огурчики? Почему деликатесный персиковый компот, изготовленный не из зеленых, а из зрелых, без-кожуры, персиков, продается лишь с нагрузкой? А ведь персиков у нас пруд пруди.

Танцорин тогда еще просто директор, рядовой и бесправный, клялся, что завалит магазины этой чертовой икрой. Что договорится — неважно с кем, — и ему сварганят машину для очистки персиков. Будет персиковый компот не хуже болгарского. Все будет. Только дайте, умолял, воли! Статус предприятия дайте! Чтобы свой счет в банке... Своя бухгалтерия. Развяжите руки!

Генеральный директор, тот самый, место которого Танцорин занял позже, ерзал и разводил руками. Не все, дескать, в моей власти.

Ах, не все? И Танцорин ничтоже сумняшеся дальше топал, в иные кабинеты.

Его всюду выслушивали со вниманием. Но тоже руками разводили. Ибо тоже, оказывается, не все было в их власти.

Однако оценили: с размахом мыслит мужик. И хватка вроде есть. И грамотный. Почему бы и в самом деле не дать ему воли?

Дали...

Все в тресте (то бишь трехэтажном улье) улыбались и переглядывались. Ну-с, думали, что дальше? Небось с дисциплины начнет?

Угадали. Но не только с дисциплины начал новый начальник, еще недавно слонявшийся по комнатам с разными просьбами для своего заухудалого заводика. В первую же неделю выкинул он штуку, от которой управленческий аппарат впал в легкий шок.

Знаете ли вы, читатель, что бывает за нарушение ГОСТа? Даже случайное... Знаете. А уж если руководитель поправил его умышленно, и не раз, не два, а в промышленном, так сказать, масштабе?

Так вот, ГОСТ разрешал выпуск овощных и фруктовых консервов для детского питания лишь в 250-граммовой таре. А она — острейший дефицит. Зато полным-полно баночек 200-граммовых. Но изменить государственный стандарт — дело нешуточное. Тут не месяц и не два требуется. А конвейер простаивает... А сырье портится.. И тогда-то Алексей Дмитриевич взял да и запузирил на свой страх и риск эти самые незаконные 200-граммовые склянки.

Пал Палыч, лицо собирательное, классифицировал данный шаг как акт административной отваги. С чувством пожал он руку дерзкого руководителя.

— Корсар! — протянул восхищенно. — Ну-у, корсар!

Когда же того везвали на ковер, увязался следом и папочку, ту самую папочку с монограммой и молниями, прихватил. В самый критический момент она раскрылась — как бы сама по себе — и выпустила на во-

лю пяток документов. Да, Алексей Дмитриевич нарушил букву закона, но ради чего? Ради общего дела. Вот, пожалуйста, цифры. И вот еще. И еще...

Выговор все же Танцорин схлопотал. Зато все три этажа зауважали своего лидера. Чуток, правда, не по себе стало, но Пал Палычи бодрелись и друг перед дружкой тревоги своей не выказывали.

— Ничего! Мы тут заостенели малость. Надо, надо растормошить нас.

Вот! Пал Палычи, как видите, народ сознательный. Они не против инициативы, не против нового и вообще прогресса. За! О чем нередко заявляют и публично и в обстановке приватной.

Ветер перемен гулял по управленческим коридорам. Одних он освежал, и они, растормошенные, генерировали идеи. Другие, поумудренней, с опаской вопрошали, не надует ли сей ветер чего-нибудь нехорошего. Но в общем-то было время если не полного единодушия, то уж мира, во всяком случае. И нам важно не упустить момент, когда в осиное гнездо превратился мирный улей. Когда все три этажа поднялись войной на генерального директора. Пошли на него сомкнутым строем.

А перед этим была полоса затишья. Все учтиво здоровались с Танцориным. Улыбались ему. Беспрекословно выполняли его распоряжения — никакого непослушания, упаси бог! И вообще дисциплина, та самая дисциплина, за которую ратовал Алексей Дмитриевич, была на высоте. Никто не опаздывал. Никто не сбегал раньше времени. Никто не позволял себе, как прежде, перекинуться в шахматшки. Даже традиционную ярмарку отложили, дабы не отвлекала народ. Ибо когда ярмарка на носу, работа не идет на ум. Все только и обсуждают, что завезут, много ли, какие размеры. Отложили... Одним словом, коллектив подтянулся. Собрался коллектив, сжался в кулак и...

Но давайте по порядку. С чего все-таки началось? Где и когда переступил Танцорин черту, которая, как выяснилось, была роковой? Пусть бы ужесточал себе дисциплину. Пусть бы, медведь, не улыбался в ответ на ласковые приветствия. Пусть по-прежнему обращался б не по имени-отчеству, а по фамилии — товарищ такой-то. Пусть даже уволил бы двух-трех разгильдяев — все это ничего. Все это проглотили б. Но Танцорин, безумец, сделал нечто пострашнее. Замахнулся на...

На то, чем все давно возмущались. И первый, и второй, и третий этажи. Вся контора.

— Дикость! — изливался один Пал Палыч другому. — Нонсенс! Как может нормально функционировать предприятие, напрочь лишенное самостоятельности?

— Не говорите! Ну понятно, когда один завод готовит полуфабрикаты для другого. Здесь не обойтись без твердой координирующей руки. А у нас? У нас кабачковая икра начинается с сырья, то бишь с кабачков, и выходит готовенькая. Так пусть же завод и хозяйничает сам!

— Завод! Не завод, а слепой щенок!

То была излюбленная тема кулуарных словопрений. Она оставалась таковой и при новом генеральном директоре. Но лишь до поры до времени. А именно до той поры, до того времени, пока Алексей Дмитриевич не дал заводу, на котором вкалывал недавно, статуса предприятия. То есть той самой самостоятельности, за которую все так дружно ратовали.

Силой своей власти дал. Ни на кого не ссылаясь и не разводя руками. Не произнося. «Сие не зависит от меня» — излюбленной нашей приписки.

Свершилось! Прозрел слепой щенок, отряхнулся, прочно встал на четыре лапы. Теперь у завода был свой счет в банке. Свой баланс. Своя бухгалтерия — три человека. А также по одному в плановом отделе, в отделе сбыта и отделе снабжения. На полставки взяли по совместительству юристконсульта. Никакого общего котла, никакого «объединения в целом». Все — от подсобного рабочего до директора — знали, что чем больше изготовят они икры или, например, замаринуют огурчиков, тем им же лучше будет. Доходней, вольней и почетнее... И вот уже рыскают по окрестным хозяйствам представители завода, вербуя поставщиков сырья. И вот уже находят за тридевять земель новых оптовых покупателей.

Потекли премии. Заговорили о строительстве жилого дома...

Теперь, читатель, внимание. За счет чего, задаю я вопрос, взяли упомянутых мной трех работников бухгалтерии, а также одного плановика, одного снабженца, одного сбытчика и еще, по совместительству, юриста? Итого шесть с половиной душ. Откуда? Кто разрешил? Кто, щедрый такой, дал дополнительный фонд заработной платы?

Никто. У нас с этим строго. Лишнего рубля не выцарапаешь, а уж выбить новую штатную единицу...

Танцорин и не выбивал. Зачем? Коли вся отчетность, все финансовые дела, все отношения с поставщиками и клиентами переходят к заводу, то в объединении, рассудил он, работы поубавится. А раз так, не грех маленько и подсократить его. В аккурат на шесть с половиной единиц.

Вот здесь и наступила та самая зловещая тишина, что предвещает бурю. Коллектив, сплоченный, как монолит (над которым занесли вдруг кувалду), ударился в расчеты. Сегодня шесть с половиной, завтра шесть с половиной, а заводов-то — восемь, и есть покрупнее бывшего танцоринского. Те ведь шестью с половиной не обойдутся. Этак что останется через год от монолита? Осколки одни. Горстка бессильных сотрудников. Ибо каждый, видите ли, заводик будет сам себе хозяин. Никто не явится с поклоном. Не улыбнется искательно. Не скажет комплимент. Не выложит пусть скромненький, пусть чисто символический, но сувенир.

Да и на чей, простите, стол выкладывать? Оглянуться не успеешь, как опустеют два из трех этажей и их, разумеется, тут же оттяпают.

Другой конторе передадут, вместе с конференц-залом, в котором ах какие шумели ярмарки!

Вся надежда теперь была на инстанции. Авось там не утвердят приказ. Зачем? Кому нужны лишние хлопоты?

Инстанции, однако, приказ утвердили. Без труда доказал Танцорин: то, что хорошо для предприятий, которые жестко зависят друг от друга (одно, условно говоря, выпускает чайник, другое — крышку для него, а посему координирующая рука должна тут быть крепкой: зачем нам миллион крышек, если чайников только сто тысяч?), то, что для других предприятий благо, здесь лишь стопорит дело.

Утвердили... Предали коллектив. (Так классифицировали Пал Палычи.) Бросили в беде. Отдали варвару на растерзание. И тогда-то он, то есть коллектив, уже, правда, поредевший на шесть с половиной душ, взялся за варвара сам.

Пал Палычи, как мы уже говорили, народ сознательный. Они не против инициативы, не против нового и вообще прогресса. За! Пусть гуляет ветер перемен, пусть взвихривает все и освежает. Но только чтоб не разворошил собственного их гнездышка. Другие — пожалуйста, те давно пора потрясти, но свое не дадим в обиду.

Сколько сил ухлопано, чтобы свить его! Сколько лет! Так бы до пенсии и коротать деньки, попивая с домашним пирогом чаек, беседуя о том о сем и изливая праведный гнев на нашу косность. От души радоваться за одного Пал Палыча, у которого родился внук, и переживать за другого, такжело захворавшего. Для первого скидываться по рубчику на подарок, второму — доставать импортное лекарство. Добрые, отзывчивые все люди, одна семья, над которой нависла вдруг смертельная опасность.

Тотальная война была объявлена генеральному директору. По всем правилам военного искусства велась она. Составлялись диспозиции. Писались донесения. Работала связь.

По-прежнему шли акты из-за плохой тары, но теперь уже ни один из Пал Палычей, этих гениальных крючкотворцев, не цеплялся к формальностям. Посему больше стали платить штрафов. Поделом! Ни один из Пал Палычей отныне добровольно не сопровождал шефа, когда того вызывали пропесочивать, а если Танцорин все же прихватывал кого-либо из специалистов, то у того начисто отшибало память. Кожаной же с монограммой папочки почему-то не оказывалось с собой.

Но все это так, партизанщина. Люди ждали решающего сражения. И оно грянуло.

О, это был еще тот бой! На всю жизнь запомнил его Алексей Дмитриевич.

В конференц-зале давался он (еще, слава богу, не оттяпанном). Публично.. На собрании с дежурной, скучной, не обещавшей ничего занимательного повесткой дня.

Явка тем не менее была стопроцентной. Люди нервно улыбались. Многих знобило. Но зато как говорили они!

Бах, бах, бах! — и все по генеральному, прямой наводкой. Тут уж не бумажный десантик, тут целая армия двинулась, развернув знамена.

Вы хотите знать, что было начертано на них? Все, что надо, будьте спокойны. Не буду повторять тут этих высоких слов, скажу лучше, что инкриминировали Пал Палычи моему герою.

— Что такое ГОСТ, товарищи? — с пафосом вопрошал один из них. — Это закон, святая святых, а товарищ Танцорин его попирает. И, стало быть, попирает государственную дисциплину.

Государственная! Припомнили-таки двухсотграммовые баночки. Хотя сами же полгода назад руку жали!

— Торпедирует линию на интеграцию производства! — гремел, задыхаясь от гнева, другой Пал Палыч.

Торпедирует! Линию!

— Ставит под сомнение принцип планового хозяйства, — ужасался третий, женского пола. — Завод-то теперь что хочет, то и творит, в то время как директивные органы нацеливают нас...

Да-да, директивные! А вы думали! Мощные следовали удары, хорошего прицела. Не одного человека (Иванова, Петрова, Сидорова) видел перед собой Танцорин, а глухую, огромной толщины стену с черными бойницами глаз.

На страже государственных интересов стояли люди — ни больше ни меньше. Яростью полыхали и великой отвагой. Самоотверженностью. В грозных ратников превратились мирные Пал Палычи, причем не за себя воевали, не за свои гнездышки, не за теплые местечки, не за ярмарку, где можно отхватить модные портки, а за интересы общества. За принципы...

Сколько умных лбов разбилось о подобные стены, сложенные — камушек к камушку — тихими Пал Палычами! Сколько добрых начинаний разлетелось вдребезги!

Протокол на этот раз велся с особым тщанием. Позже его размножили на копировальной машине и стали рассылать по инстанциям. Не анонимно — за подписями. От имени коллектива, который отказывал в доверии незрелому руководителю.

...Ах, Пал Палычи! И обласкают, и защитят, и протянут руку помощи любезному сердцу руководителю. И, конечно же, пылко поддержат всякое начинание — только б лично у них не было при этом никаких неудобств. Лично у них! А иначе — вот он, камушек, за пазухой. У одного, у другого, у третьего...

ИМЯ

Уподобим его капиталу — имя. И да не оскорбит вашего слуха такое сравнение. Очень даже правомерно оно, ибо как и капитал, как и ценности материального порядка, наживается оно годами, а то и десятилетиями. По наследству тоже передается от отца к детям и лелеется бережней иной семейной реликвии. Справедливо. Вот и закон тоже охраняет его от посягательств — наравне с государственной или личной собственностью... Внимание, читатель. Именно здесь прервем перечислительно-сравнительный ряд и спросим: а надо ли, собственно, повторять эти очевидные истины?

Не очевидные. Во всяком случае, очевидные не для всех. Перевелись или почти перевелись карманные воришки, поскольку однозначна и дружна реакция общественности на их злодеяния. Рубль с мелочью спер юнец в переполненном троллейбусе, вы его — хватать за руку, и пассажирский коллектив мигом консолидируется в праведном гневe. Водитель в том числе. Даже у постового притормозит, дабы возмущенные граждане могли передать злоумышленника в карательные руки. Подолом...

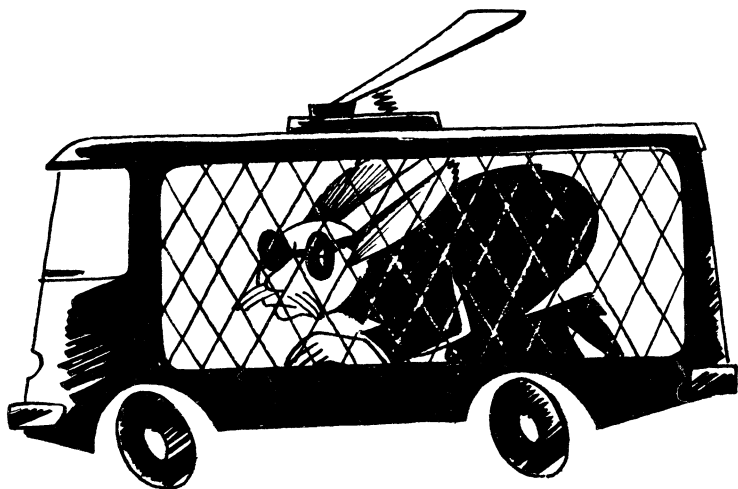
А теперь представьте, что в том же троллейбусе совершено покушение не на рубль с мелочью, а на ваше имя. Каким образом? А самым банальным и всем нам знакомым, если не по собственному горькому опыту, то по опыту очевидца.

— Билетик попрошу! — И горе вам, если вы, едва втиснувшись в салон, еще не успели нашарить в кармане медяки или, нашарив и опустив, не добились от привередливого полуавтомата ответной реакции. С маху будет перечеркнуто ваше доброе имя на глазах у всего троллейбуса, и не зывайте к состраданию, не требуйте остановить машину, чтобы сдать милиционеру клеветника. Не мелочитесь. Откупитесь скорее рублем и, выскочив на первой же остановке, ступайте с богом до ближайшей аптеки. Валидол без рецепта дают...

А если не словесно оклеветали вас, а письменно, да еще в нескольких разных местах одновременно? Нет-нет, не об анонимке идет речь, состряпанной под копирку и запущенной в разные адреса. Не о ней, хотя проблема анонимщиков, как, впрочем, и легальных клеветников, вплотную примыкает к нашему разговору. Но мы локализуем его. Мы так и не выйдем из троллейбуса. Мы даже станем специально раскатывать в нем — в одном, другом, третьем, изучая по пути бюллетени «Крокодил информирует», которые вывешиваются на всеобщее обозрение в троллейбусах города Ц.

О чем же информирует наш иногородний сородич? А о том, что «за безбилетный проезд задержан...» И далее идут фамилии с инициалами и местом работы. Немного — три-четыре, дабы не рассеивалось внимание публики и концентрированной был удар.

Грозное оружие ввел в арсенал начальник троллейбусного управле-

ния. Грозное — никакого сравнения со штрафным рублем, а раз так, то и к соответствующему обращению обязывает оно — весьма и весьма осторожному. Может, и не ко всем следует применять его, а лишь к «зайцам» хроническим. К тем, кто попадался с поличным не раз и не два.

Это хлопотно. Это требует возни и тщания, а зачем? Не о материальных же ценностях идет речь, за незаконное изъятие которых взгреют крепко, а всего лишь об имени. Не пощупать его, не взвесить на весах, не обозначить в соответствующей графе суммой прописью. Вот и проявляются в бюллетене «Крокодил информирует» лица, уличенные лишь однажды — в чем? Необязательно в злонамеренности, необязательно в покушении на пять государственных копеек, но, может быть, просто в рассеянности? Вошли и забыли. Рубль штрафа за такую несобранность — кара справедливая, но публичный общегородской десятидневный позор — не слишком ли круто? А если к тому же вы никогда не подвергались штрафу? Ни штрафу, ни даже контролю, и тем не менее в один прекрасный день слышите от доброго знакомого:

— Как же это тебя угораздило?

— Что? — тревожно недоумеваете вы.

— Как что? Видел сегодня тебя в троллейбусном «Крокодиле».

— Не может быть...

Может! Спросите у жителя города Ц. Осташева, и он подтвердит вам это.

Когда ему любезно сообщили о заочной встрече с ним в ювенальном листке, сразу же поспешил тов. Осташев в троллейбусное управление.

— Выясним,— пообещал, выслушав, руководитель контрольной службы, и через день тов. Осташеву было объявлено, что фамилия его, и имя-отчество, и место работы записаны со слов некоего безбилетного лица, фамилия которого, имя-отчество и место работы не установлены. Документов не было при нем, а проверять не хотелось. Это когда о материальных ценностях идет речь — будь добр, выложи паспорт или нечто заменяющее его, а тут всего-навсего имя. Просто имя, без «суммы прописью» в соседней графе.

— Снимем листок,— заверили тов. Осташева, и он с облегчением перевел дух.

Напрасно. Не прошло и двух недель, как он, теперь уже собственными глазами, увидел в одном из троллейбусов собственную фамилию. Потрясение было столь велико, что ошеломленный пассажир наверняка бы забыл оторвать билет и был пойман с поличным, кабы в течение уже нескольких лет не приобретал проездные.

И вот тут-то в голову тов. Осташева пришло то, о чем мы уже упоминали в самом начале: закон охраняет имя. Прямоком отправился он в суд и потребовал защиты. Двадцать шесть лет прожил в городе Ц., окончил техникум, учится в институте, работает на заводе мастером участка, председатель товарищеского суда и член редколлегии стенной газеты... Вот какое доброе имя было, а теперь ни за что ни про что его аннулировали.

— Вернем имя,— пообещал в присутствии судьи руководитель контрольной службы, и через несколько дней в троллейбусах появилось официальное извинение управления перед тов. Осташевым за «несправедливую информацию» о нем. А еще через два месяца тов. Осташев снова увидел свою фамилию в «малом» троллейбусном «Крокодиле»... Вот тут-то он и написал в «Крокодил» «большой».

В «большом» «Крокодиле» на письме тов. Осташева поставили красным карандашом гриф «Срочно». Тот самый гриф, которым отмечают здесь тревожные сигналы о гибели дорожного оборудования, о тысячах, бросаемых на ветер, или крупных хищениях. Все правильно. Достоинство и доброе имя человека — достояние государственное.

Начальник управления, с которым доверительно беседовал ваш корреспондент, отнесся к этому постулату с некоторым скептицизмом. Пять копеек, которые иные пытаются зажикить, — это да, а вот имя... И, вздохнув, пообещал выяснить, каким образом злостная фамилия всплыла вновь.

Не выяснил. Укатил на симпозиум транспортников, где шла речь о культуре обслуживания и прочих важных вещах, а его заместитель, главный инженер управления, развел руками: понятия не имеет он, каким образом Осташев умудрился снова увидеть себя в сатирическом

листке. Иное дело, если б жаловались такие товарищи, как... И он назвал проштрафившихся граждан, чьи фамилии раскатывали по городу — ввиду очередного недосмотра — с июня по сентябрь вместо отмененных десяти дней. Но эти не жаловались. На что? Не в карман же залезли к ним.

ДЕЖУРНЫЙ ПРИ ЧЕЛОВЕКЕ

Тридцатилетний электросварщик Леонид Пахнов покидал областной центр в отличном расположении духа. Еще бы! Экзамен на пятый разряд сдан, куплены гостинцы, и если повезет, то уже через несколько часов он вручит их жене и детям.

Если повезет... В данном случае это следовало понимать не в переносном, но в самом что ни на есть прямом смысле слова. Автобусом домой добираться долго, а вот коли поезд повезет... Повезти-то, конечно, повезет, но остановится ли на родной станции Орехово?

Кассир заверила, что остановится, и тут же продала билет. Около полуночи подкатил поезд, и Леонид Пахнов, не встретив проводника, спокойно вошел в свой вагон. Всерьез располагаться, однако, не стал, поскольку выходить ему было ровно через час.

Час минул, показались огоньки Орехова. Но что это? Поезд и не думает тормозить. Залихватски свистнув, мчит дальше. К бригадиру бросился обескураженный пассажир, но бригадира на месте не было. Почивал где-то, как объяснил отыскавшийся наконец проводник, и посоветовал ехать до ближайшей станции, а уж оттуда дежурный отправит обратно.

Дежурный ближайшей станции бодрствовал. Вернее, бодрствовала, ибо то была женщина. Однако разговаривала она с заблудшим пассажиром отнюдь не по-дамски.

— Кто, — отрезала, — завез тебя сюда, тот пускай и вывозит. — И углубилась в дела, поскольку дел у дежурного по станции прорва.

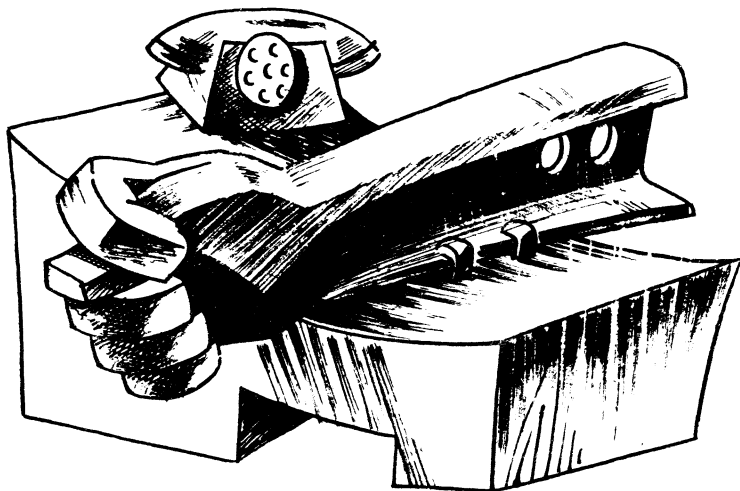
Тогда к другому дежурному двинул Пахнов — по локомотивному депо, но у того дел было еще больше.

— Я-то здесь при чем? Поезд вела не наша бригада. Откуда мне знать, где останавливалась она, а где нет.

Почесал в затылке электросварщик, пересчитал мелочь, что звенела в кармане — нет, на обратный путь не хватит, — и отправился бить челом к дежурной по вокзалу. А у дежурной по вокзалу тоже дела и тоже много. Но все-таки оторвалась на миг, любопытствовала:

— Я, что ли, продавала тебе билет?

Пахнов глянул на нее внимательно, вздохнул глубоко и признался, как на духу:

— Не вы.

— Так что же ты хочешь от меня? Тут и без тебя забот знаешь сколько?

Пахнов знал. Теперь знал. Но все-таки еще раз осмотрелся по сторонам — в надежде отыскать еще какого-нибудь дежурного. И представьте себе, отыскал! На сей раз им был милиционер, но он, как и все прочие дежурные, находился при деле — общественный охранял порядок. Данный пассажир порядка не нарушил, так что с какой стати должна им заниматься милиция?

Никаких других дежурных Леонид Пахнов на станции не обнаружил. Поэтому не оставалось ничего иного, как добираться домой на попутных машинах. Долгий и трудный был этот путь, зато бывший железнодорожный пассажир имел возможность всласть подумать.

О чем? О том, видимо, что очень много развелось у нас всевозможных дежурных и все они, в общем, состоят при деле. А вот дежурного при человеке нет. Не предусматривают штатные расписания...

А может, и не надо предусматривать? Может, работу эту — дежурный при человеке — следует выполнять по совместительству? И при этом считать ее основной?

ПОКУШЕНИЕ НА СЕРВИС

У товарища Северцева затосковала душа. Она тосковала мучительно и неотступно. Чего только не предпринимал Владимир Петрович! Совершал вечерние моциионы, пил вишневый сок с мякотью, читал перед сном детективные повести. А она, душа, все тосковала и тосковала...

Неслышной тенью проскальзывал тов. Северцев по затемненным улицам Розгорода. Иногда взгляд его натывался на зеленый огонек такси. Ах, лучше бы он натывался на что-нибудь другое! Другое было не так мучительно. А от огонька Владимир Петрович отворачивался, кусая губы. Каким холодным презрением окатывал он тех, кто толпился на стоянках, карауля машины с шашечками!

Прוצветала несправедливость. Почему домохозяйка из Саратова, прибывшая в Розгород навестить дядю, разезжает на изящной «Волге»? Почему? Это унижало Владимира Петровича. Оскорбленный, усаживался он в персональный свой фургон, предварительно пнув колесо ногою. На душе было пасмурно. Ну, скажите, кто поверит, глядя на фургон, что это едет начальник коммунхоза? Неэстетичный зад фургонизированной «Волги» являлся по ночам Северцеву кошмарным видением.

И вот Северцев не выдержал. Северцев посетил автоуправление и предложил меняться.

— Я вам фургон, вы мне такси. Идет?

Начальник управления Иваниев хитро покачал головой.

— У города астма, — молвил он. — Город задыхается от нехватки таксомоторов.

Тогда Владимир Петрович перегнулся через стол и сказал конфиденциально:

— Послушайте, дорогой, вы ведь тоже начальник. Неужели вы не понимаете? А кроме того, фургон можно отлично использовать как такси. В нем больше жизненного пространства. Представьте, пассажир везет козу. Ну куда с ней в обычную «Волгу»? А здесь — пожалуйста.

— Зачем? — поморщился Иваниев. — Мы призваны возить людей.

— Домохозяек из Саратова? — с иронией поинтересовался Владимир Петрович. — Эх, Евгений Семенович, Евгений Семенович! Знали бы вы, какая тоска у меня! Отдайте мне «Волгу»! Ну что вам стоит? А я без «Волги» не человек. Не начальник. Когда-нибудь и вы ко мне обратитесь.

Евгений Семенович сопереживал. Ему ли не знать, что автомобиль — основа начальственного сервиса! Отнимите автомобиль — и не будет сервиса. А нет сервиса — нет начальника. Зачем же рядовые граждане из Саратова покушаются на основы?

За сервис, как известно, борются. Примеров тому множество.

Была в детском саду заведующая. Имелся у нее кабинет с полированным столом и мягкими стульями. Заведующая руководила, а в соседних комнатах подрастающее поколение лепило из пластилина лошадей

и космонавтов. В отведенные часы оно поглощало манную кашу. Идиллия, буколички! Ан нет — и здесь готовилось покушение.

Садику выделили телевизор. Пусть смотрит поколение про Незнайку и «Спокойной ночи, малыши!». Поставить аппарат собирались в музыкальной комнате. Это ли не прямое покушение на начальственный сервис! Заведующая подозвала Матвея Ипполитовича, завхоза, и выдала распоряжение установить телевизор у себя в кабинете. Три раза в неделю, когда передают уроки иностранных языков, она включает его на полную громкость и отправляется на кухню пить чай с лимоном. Родители, приходя за детьми, шепотом поражаются интеллектуальному уровню руководства.

Остальное время телевизор молчит. Но заведующую посещают люди и зреют его. Аппарат рассеивает нехорошие сомнения в масштабности начальствования. Возьмите, к примеру, заведующую овощным ларьком. Обладает ли она голубым экраном служебного пользования? То-то и оно! Сервис и только сервис определяет масштабность.

Вооруженный этой истиной, директор предприятия осматривал новое здание конторы. Директор был бдителен. Он вовремя заметил, что помещение библиотеки больше его, директорского, кабинета. Поманил пальцем плотника и приказал перевесить таблички.

— Но книги не поместятся там, — робко сказали ему.

Тогда директор отобрал издания, отличающиеся высоким полиграфическим мастерством, и приказал поместить их у себя в кабинете. Покушение со стороны читательских масс было предотвращено.

Но душой современного начальственного сервиса является, безусловно, автомобиль. Сколько копий поломано в сражениях за черные и голубые «лимузины»! Потому-то и не удивился Евгений Семенович, когда пришел к нему начальник коммунального и интимно заговорил о сердечной тоске. А затем развернул деятельность. Звонил, писал, требовал. И, знаете, добился своего. Пришла с горьковского завода партия новых такси. Шашечки на одной из них быстренько замазали, сняли счетчик, и — в распоряжение товарища Северцева. С тех пор Владимир Петрович регулярно слушает по утрам сводку погоды. Если обещают дождь, он отменяет дневные поездки. Осадки могут смыть краску, и тогда проступят шашечки. Опасно! Но зато душа успокоилась. Не тоскует более.

ТОРЕАДОР ТОПОРЧИТ УСЫ

В городе Кузине назревала радость. Кузианки осаждали семейные зеркала, кузиане полировали туфли. До начала концерта «На голубой волне» оставалось два часа.

Кузин невелик. Эстрадные концерты здесь не часты. И потому всякий концерт встречается с великим воодушевлением.

Публика города Кузина хорошо воспитана. Больше всего на свете боится она опоздать к началу. Не беда, если кто задержался на работе и не успел отобедать — борщ ставят на цемент и, на ходу пережевывая бутерброд, летят в клуб. Да здравствует сухомятка! — лучше она, чем неуважение к артистам.

Зал полон. Притихшая публика глядит на занавес, ожидая. Занавес обнадеживающе шевелится. Живущий при клубе кот Торeadор задумчиво проходит по авансцене.

Время тикает, праздничность улетучивается, малосознательные начинают тосковать об остывающем на цементе борще. Другие беспокоятся: не случилось ли чего с артистами?

С артистами случилось. Разом повспоминали они вдруг, что все они служители своенравных и капризных муз. Богини — покровительницы древней Эллады имели к ним, оказывается, самое непосредственное отношение.

О своей близости к божествам артисты «Голубой волны» вспомнили в тот самый момент, когда к гостинице подкатил автобус местной филармонии. Ударник поставил ногу на ступеньку, и тут его осенило. Ба, да он не просто ударник, он служитель богини музыки Эвтерпы. Автобус показался ему не слишком фешенебельным. Родился ультиматум: или автомобиль с мягкими сиденьями и особой амортизацией, или он, служитель Эвтерпы, торпедирует концерт.

— Но ведь вы всегда ездили на таких автобусах! — наивно воскликнул администратор.

Рядовой член месткома, он не подозревал, какая могучая гордыня вздыбила «Голубую волну». «Волна» дружно поддержала ударника.

— Послушайте, — урезонивал «Волну» администратор. — Билеты распроданы, люди ждут вас...

Что такое? Их ждут? Кузиане и кузианки, что слышали вы о неистойвой Мельпомене? Кузиане и кузианки, удостоила ли вас хоть единым взглядом грациозная Терпсихора? Они, видите ли, ждут их! Пусть ждут, велика беда!

Администратор, бия себя в грудь, уговаривал руководителя бригады снизойти до рядового автобуса. Руководитель не поддавался. Вдохновенный исполнитель «Безумного сердца», он почитал себя племянником тетушки Мельпомены. Не отыщется ли в филармонии «кадиллака» с откидным верхом?

«Кадиллака» не было. Администратор панически звонил по инстанциям. Зрители города Кузина ждали. Кое-кто, печально поглядев на празднично отполированные туфли, отправился восвояси. Остальные дождались: артистов в конце концов заставили поехать. Оскорбленные, гордо прошествовали они мимо кота Торедора. Тот выгнул спину и зашипел. А что! — коты, говорят, чутки к потустороннему. Не дыхание ли разобитых божеств ощутило мудрое животное?

БЗИК

Решено! Поскольку не существует, видимо, иного способа избавиться от моего навязчивого состояния, опишу его в рассказе. Выставлю, так сказать, на всеобщее осмеяние. Безжалостен буду и самокритичен. И откровенен как на духу.

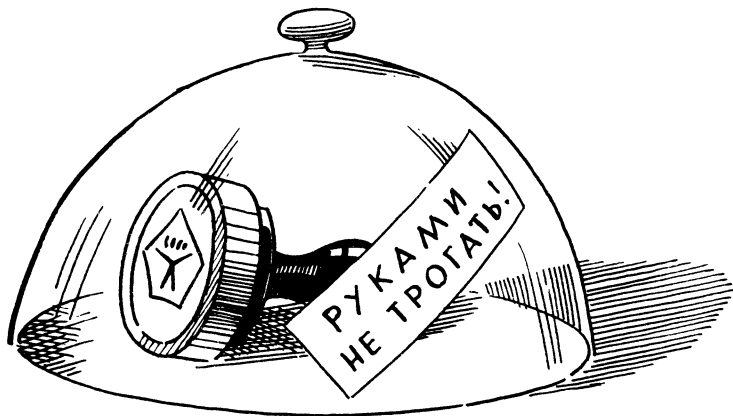
С чего все началось? С того, пожалуй, что в один прекрасный день мои домашние с изумлением обнаружили, что я не зажигаю в ванной света. «Ах, какой рассеянный!» — думали они и заботливо щелкали выключателем.

Я сердился. Не благодарил, а сердился, бурча при этом, что мне и так все видно. Но это было полуправдой. Полная же и окончательная правда таилась в выключателе. Я боялся, что от частого употребления он выйдет из строя. Для меня это было б катастрофой. Надо куда-то звонить. Или, что еще ужаснее, идти самому. Раз, другой, третий... Пока, наконец, не явится мастер и, бросив профессиональный взгляд, не заявит с порога, что ничем не может помочь. Почему? А потому, что выключатели такого типа не выпускаются в настоящий момент. Сняты с конвейера. Или, напротив, еще не поставлены.

— То есть как это не поставлены! — возмущусь я робко. — Откуда же взялся он?

Мастер пожмет плечами.

— Экспериментальная партия. Но, на ваше горе, эксперимент оказался неудачным.

И попытается улизнуть, но я остановлю его вопросом, нельзя ли сунуть на место погибшего какой-нибудь другой выключатель.

— Нельзя. Отверстия в панелях вашего дома рассчитаны именно на этот.

Отсюда вытекает, что надо менять панель. И, может быть, даже не одну. Все ведь взаимосвязано... Тут уж взбунтуются соседи. Вряд ли позволят они разбирать дом.

Вот какие зловещие картины рисуются мне, когда я думаю о выключателе. И не только о нем. О кранах тоже. Всем известно, что есть в них какие-то таинственные прокладки, но никто в мире не знает, где достать их, если, не приведи господь, они выйдут из строя. Словом, я стараюсь как можно реже пользоваться водопроводом и призываю к этому мою семью.

Надо ли говорить, что с некоторых пор я запретил прикасаться к электрической кофемолке, заменив ее ручной? Во-первых, мне показан физический труд, а во-вторых, где найдешь мастерскую, которая возьмется починить перегоревший моторчик?

Хуже обстоит дело со стульями. На них время от времени приходится садиться, и они, замечая я, начинают поскрипывать. Лучше бы уж скрипели мои суставы! Тут хоть знаешь, куда идти, — поликлиника рядом, а вот где ремонтируют мебель, неизвестно. И ремонтируют ли вообще.

Объятый страхом, брожу я по собственной квартире. Будь моя воля, я б никогда не включал телевизор, законсервировал бы холодильник и спал бы стоя, как лошадь, поскольку тахта, как осторожно ни укладывайся на ней, издает всякий раз предостерегающий скрип. Сущее безумие — не внять ему.

Я понимаю, что это бзик. И что дальше жить так невозможно. Надо предпринять что-то решительное. Например, написать рассказ. Выставить себя на всеобщее осмеяние.

Пожалуй, так и сделаю. Сяду, вставляю лист в машинку и...

О боже, в машинку! А кто потом будет ее чинить?

ПЯТНЫШКО

На лице Чижикова выступил румянец. Чижиков был смущен и растроган. Он знал, зачем его вызвал начальник. Начальник вызвал его затем, чтобы окончательно выяснить, согласен ли он, Чижиков, на повышение. Чижиков был согласен на повышение.

— Мы ценим ваши заслуги, — сказал начальник. — Вы прекрасный специалист. Вы скромный. Вы отзывчивый. Вы хороший.

Чижиков сопнул носом. Умильная слеза была на подходе.

— И все мы,— продолжал начальник, доставая из папки исписанный лист бумаги,— возмущены нелепой кляузой на вас.

Слеза остановилась где-то на полпути.

— Кляузой?

— Представьте! Какой-то тип написал нам, что якобы вы доите по ночам козу соседки Грушенович. Экая глупость!

Чижиков конфузливо улыбнулся.

— Я не дою козу,— сказал он.— Я и доить-то не умею.

— Знаем! Мы все знаем! Вот справочка: «Дана настоящая в том, что тов. Чижиков Ф. Ф. со дня рождения и по настоящее время живет в городе». Подпись и печать. А как, спрашивается, научиться доить в городе?

— Да и молочное-то...

— Знаем! Мы все знаем. Вот выписка из вашей истории болезни: «Тов. Чижикову Ф. Ф. противопоказано молочное ввиду...» Ну и так далее.

— И козы...

— Тоже знаем! Нет никакой козы у соседки Грушенович. Вот акт обследования: «На улице, по которой живет тов. Чижиков Ф. Ф., зарегистрированы комиссией следующие представители животного мира: четыре собаки породы дворняжка, рыбы неизвестного происхождения в аквариуме писателя Со, а также одиннадцать кошек обоего пола. Мелкого рогатого скота на улице не обнаружено».

— И...

— И это нам известно! Нет никакой соседки Грушенович. Есть соседка Парилова, соседка Ашкинази, соседка Яр-Перемайская, а также

персональный пенсионер Мальчиков. Все, как видите, проверено, все выяснено. Кляуза, выходит. Нелепая, мерзкая — тьфу! И так некстати. Мы-то ведь повысить вас хотели.

— Хотели? — переспросил Чижиков и поморгал глазами.

— Хотели. А теперь что ж — сигнал получили. Кляуза, мерзкая — тьфу! А все же сигнал. Пятнышко, так сказать. Никуда не денешься. Придется подождать с годик.

На лице Чижикова выступил румянец.

ВОВИК И СТУЛ

Среди ночи жена проснулась. Она села на кровати и прошептала:

— Не надо обвинять стул.

Не открывая глаз, я сладко потянулся. Жена легонько толкнула меня:

— Ты слышишь! Ни при каких обстоятельствах не надо обвинять стул.

Я укутался в одеяло и сел рядом. Разговор предстоял длинный.

— Ни при каких... — проворчал я недовольно. — Ты всегда любишь крайности. А в воспитании, между прочим, крайность может быть роковой. Вспомни девятый номер «Семьи и школы» за прошлый год.

Я еще не понимал, почему нельзя обвинять стул, но уже не сомневался, что речь идет о воспитании. С тех пор, как родился Вовик, никакой другой вопрос не волновал нас так сильно. За эти два года мы проштудировали всю имеющуюся в библиотеке педагогическую литературу. В газетах, журналах и календарях мы читали лишь «Советы для родителей». Тут же вырезали их и вырезки наклеивали в альбом. Чтобы не пропустить ни одной радиопередачи на темы воспитания, мы работали в разные смены. Потом информировали друг друга о прослушанном. Сегодня у приемника дежурила жена, и, по-видимому, она забыла рассказать мне что-то очень важное. Это-то и разбудило ее.

— Да, так что стул? — спросил я, прерывая неожиданно возникшую дискуссию о формах контроля за ребенком.

— Стул? — спросила жена. — Ах, да... Если ребенок ударится о стул, то ни в коем случае нельзя обвинять стул. Нельзя говорить: какой, дескать, плохой стул, давай побьем его. Это развивает некритическое отношение к собственным поступкам.

Я подумал и согласился.

— Ты сказала это маме? — спросил я.

— Когда же? Ты ведь знаешь, я весь вечер просматривала старый комплект «Семьи и школы».

Утром мы позвонили моей маме и сказали, что ни при каких обстоятельствах нельзя обвинять стул. Вовик жил у нее, и мы держали ее в курсе всех педагогических новостей.

ОН

Именно так и называл его Мелентьев — сперва мысленно, а затем и вслух: ОН. Другие — тоже.

— Ну что, Мелентьев? — спрашивали другие. — Сегодня ОН приходил?

Даже гардеробщица тетя Наташа интересовалась взаимоотношениями Мелентьева с НИМ.

— Как дела, Алексей Федорович? — говорила она, замирая с плащом в руках, потом — с демисезонным пальто, а под конец, когда ОН исчез, с зимним. — Что ОН?

— Ничего, тетя Наташа, ничего! — оптимистично отвечал Мелентьев и, подбадривая, касался ладошкой плеча гардеробщицы. Та вздыхала и растроганно глядела вслед энергично удаляющемуся Мелентьеву, думая: «Какой простой, какой милый человек! И вот надо же — напасть такая! И чего ОН к нему пристал?»

Он — это комар. Обычный комар, невесть откуда взявшийся на де-

вятом этаже мелентьевской квартиры. Впрочем, всех, кто так или иначе был посвящен в эту историю, удивляла не этажность, поскольку комар мог подняться сюда и сам по себе, наружным, так сказать, путем, и в лифте, и, например, на обшлаге рукава. Тут ничего паразитического не было. Известный же феномен заключался в том, что жил Мелентьев в самом центре города. Никаких прудов, никаких болот, речек или хотя бы колодцев поблизости не было. Откуда же в таком случае взялся ОН?

Это и на сегодняшний день тайна, хотя предположений, догадок и смелых гипотез была масса. Самую экстравагантную идею выдвинул Кусов из отдела Черешниковой. Он предположил, что комар зародился из ничего, как когда-то из ничего зародилась на земле жизнь.

Сослуживцы размышляли и шурились.

— Так, значит, — произносили они, — сразу, как потушишь свет...

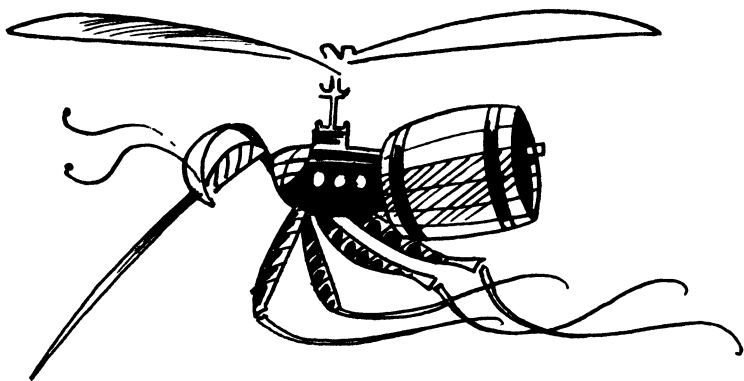
— Не сразу, — доверительно говорил Мелентьев. — В том-то и дело, что не сразу.

Временной зазор между гашением света и появлением ЕГО колебался от минуты до получаса. В тот день, когда ОН впервые обнаружил свое присутствие, прошло, наверное, минут десять, не меньше, потому что Мелентьев уже начал засыпать, когда вдруг у самого его уха раздался оглушительный писк. Именно оглушительный и именно писк, хотя на первый взгляд кажется, что это понятия несовместимые. Но это кажется только тем, кто не испытал подобного на собственной шкуре.

Итак, у самого уха, а вернее, в ухе, раздался оглушительный писк. Мелентьев вздрогнул и сильно хлопнул себя по уху. Это было инстинктивным движением, память о котором, видимо, сохранилась в сугубо городском человеке Мелентьеве с древнейших времен, когда его далекие предки жили еще в лесах и спали в пещерах. Во всяком случае, сознательно он убивать никого не хотел. Это уже потом была разработана специальная стратегия по поимке комара с учетом различных биологических и психологических факторов. Например, он клал в качестве приманки на свою тахту жену, которая обычно спала в соседней комнате с детьми, а сам с мощным фонариком, специально приобретенным для этой цели, стоял наготове. О его терпении и мужестве при этом дает некоторое представление следующий факт.

Стоя над женой с фонариком и поднятой рукой, Мелентьев почувствовал, как у него чешется лоб, но даже бровью не повел, хотя зуд все усиливался и стал в конце концов нестерпимым. О силе этого зуда и опять-таки о мужестве Мелентьева красноречиво говорила шишка, которую оставил ОН. Да-да, это был ОН, коварно пьющий у Мелентьева кровь, пока Мелентьев с фонариком и воздетой рукой дежурил над лежащей в темноте женой.

Но все это случилось уже потом, две или три недели спустя, когда все иные способы изловить ЕГО — многие из них были разработаны сообща с коллегами — не оправдали себя. А в ту первую ночь Мелентьев просто хлопнул себя по уху. Подкрадывающийся сон, разумеется, отле-

тел, но скоро начал подкрадываться вновь, однако тут ОН запищал опять, и опять оглушительно. Теперь Мелентьев не ограничился тем, что хлопнул себя. Он помахал в темноте ладошкой и сказал:

— Фы! Фы! — После чего, замерев, стал ждать. Чего? Не сна, нет, а его очередного появления, потому что как можно ждать сна, если в любой момент в ухе может разразиться тонкий, но пронзительный звук?

Итак, Мелентьев лежал и ждал, а ОН не подавал признаков жизни, и это раздражало Мелентьева. Какой уж тут сон! Поднявшись, он включил свет и внимательно обследовал комнату. ЕГО не было. За все пятьдесят два дня, которые ОН прожил в квартире Мелентьева, он ни разу не попался хозяевам на глаза, хотя какие только хитроумные ловушки не изобретали они! По совету Адекватова из контрольно-ревизионной службы Мелентьев установил над кроватью бра, а выключатель спрятал под подушку и несколько раз включал свет в самый разгар писка. Бесполезно! Дело в том, что Адекватов, а вместе с ним и вся контрольно-ревизионная служба, которая активно участвовала в обсуждении проекта, не учли физиологии человеческого глаза. Он, глаз, не может сразу после темноты воспринимать яркий свет, требуется несколько мгновений, чтобы привыкнуть, а этого более чем достаточно, чтобы подпольный жилец мог скрыться в своем убежище. Поэтому совместно с племянником Володей и его товарищами по работе, близко к сердцу принявшими бессонные страдания Володиного дяди, был разработан другой, более совершенный проект.

Как и в варианте с фонариком, пассивным участником тут была же-

на. Она лежала в качестве приманки на тахте Мелентьева, а сам Мелентьев стоял в коридоре за закрытой дверью при свете. Это-то и было главным в проекте — что при свете. Таким образом, глазам не требовалось даже доли секунды, чтобы перейти от полной темноты к полному освещению. В тот момент, когда ОН подавал голос, жена громко говорила условное слово «гоп», одновременно зажигая бра, и Мелентьев был тут как тут с уже полностью готовыми глазами. Однако условное слово «гоп» вспугивало ЕГО, и он успевал спрятаться. Вот почему потребовалась система бесшумной сигнализации.

Это была лампочка, которая вспыхивала в коридоре. Оставалось открыть дверь и быстро войти, но это теоретически. На деле все обстояло куда сложнее. Ведь в коридоре горел свет, и стоило распахнуть дверь, как он сейчас же скрывался, подлец! Стало быть, свет надо было предварительно тушить.

Круг замкнулся. ОН приходил что ни день — вернее, что ни ночь, и отловить его не было никакой возможности. Оставалось жертвенно выкладывать поверх одеяла руку, чтобы он насытился, и лишь после этого, смазав ранку одеколоном, спокойно спать до шести утра, когда его величество изволило завтракать. Обычно Мелентьев просыпал это время, поэтому ОН ел что под руку попадало. Вернее, под хоботок. Ухо. Нос. Щеку. Но чаще и охотнее всего — верхнюю губу. Со временем коллеги приноровились заключать пари, чем ОН позавтракает сегодня — ухом или губой, и стоило Мелентьеву выйти утром из лифта, как из всех дверей на него устремлялись нетерпеливые взгляды.

Мужественно нес он свой крест. Раз или два в порядке эксперимента мазался специальной мазью от комаров, но тогда ОН пронзительно пищал всю ночь, голодный, и Мелентьеву приходилось вставать, принимать душ, а затем ложиться и мирно кормить своего незримого постельяца.

В общем, это было не такое уж кровожадное существо. Оно ело всего два раза в сутки, а остальное время тихо спало неизвестно где. И когда в одну прекрасную ночь ОН вдруг не появился, Мелентьев так и не заснул до утра, ожидая ЕГО. Напрасно! ЕГО не было ни в эту ночь, ни в следующую, ни во все другие.

— Ну что, Мелентьев? — с надеждой и некоторым упреком спрашивали коллеги. — Не вернулся?

Постепенно надежда гасла, а упрек слышался еще долго, будто Мелентьев был повинен в ЕГО исчезновении. Вот только гардеробщица теть Наташа относилась к нему с прежним вниманием.

— Как дела, Алексей Федорович? — искренне интересовалась она, замирая с пальто в руках. — Что ОН?

— Ничего, тетя Наташа, ничего! — оптимистично отвечал Мелентьев и, подбадривая, касался ладошкой плеча гардеробщицы.

«Какой простой, какой милый человек!» — сострадательно думала та и верила, очень верила, что рано или поздно ОН вернется.

ЗОНТИК

— Моя фамилия Вараночкин,— услышал я и с неудовольствием обернулся.

Мне ласково улыбался розовощекий Боровичок с синими глазами.

— Ну и что? — спросил я не очень, быть может, учтиво, поскольку пребывал в дурном расположении духа: только что буквально на мне кончились импортные складные зонтики, за которыми я выстоял в давке и духоте без малого два часа.

— Не сердитесь,— попросил Боровичок. На голове у него белела кепочка.— Я искал вас по всему универмагу. Может, мы выйдем?

Я пожал плечами и, лавируя среди покупательских масс, направился к выходу. Мы устроились на скамейке под старой липой. Над нами в густой и пахучей зелени жужжали пчелы, а выше синело жаркое июльское небо.

— Вараночкин я,— повторил он.— Вам ни о чем не говорит моя фамилия?

Я подумал.

— Увы! Не имею чести.

— Ну что вы, что вы! — застеснялся человек.— Просто... Дело в том, что обо мне в газетах писали. А как-то даже фото было: я и рядом «Москвич». Это когда я еще в первый раз выиграл,— скромно прибавил он.

Я заинтересованно повернулся.

— То есть как в первый?

Человек по фамилии Вараночкин с неловкостью засмеялся.

— В первый. А всего по разным лотереям — четыре машины. Двух «Москвичей», «Запорожец» и «Жигули». Кроме того, разные мелочи: холодильник, пылесос, пуховый платок, который я подарил Нюре из Сыктывкара. Это моя племянница, у них там холодно. Никогда не были в Сыктывкаре?

— Нет,— пробормотал я, не спуская с него внимательного взгляда.

— А я ездил. Дай, думаю, погляжу, как люди на Севере живут. На собственной шкуре, так сказать, испытаю. Ну, и, конечно, всю неделю, пока я гостил там, стояла чудесная погода.

— Повезло.

Он снял кепочку и вытер платком голый череп.

— Я вам больше скажу. В лесу я и шагу не могу ступить без того, чтобы под ногой у меня не оказался гриб, причем, заметьте, за всю мою жизнь мне не попалося ни одного червивого. Я никогда никуда не спешу, но у меня не было случая, чтобы я опоздал. Кроме одного раза — на самолет. Пришлось платить неустойку, но, как вы понимаете, я был несказанно рад: наконец-то и мне не повезло! Однако радость моя длилась недолго: едва мы приземлились, как я узнал, что предыдущий рейс потерпел аварию.

— Но вы просто счастливчик! — воскликнул я.

Боровичок обреченно покачал головой.

— Пожалуйста, дайте руку, — и приложил мою ладонь к своей груди. — Слышите? — Под прохладным чесучовым полотном уверенно и спокойно стучало сердце. — А теперь сюда, — и передвинул мою удивленную ладонь на правую сторону, где тоже что-то билось — так же спокойно и уверенно.

— Что это?

— Сердце. Их два у меня, и оба работают безукоризненно.

Мне показалось, он ждет от меня сочувствия. Я рассмеялся.

— Вы что, подделываете лотерейные билеты? Или сами вставили себе второе сердце, похитив его у соседа?

— В том-то и дело, что не подделываю. Но ведь число выигрышей строго определено, и не только в лотереях. Всюду. И если я без конца вытаскиваю счастливые билетки, то кто-то, стало быть, довольствуется одними пустыми. Эта мысль не дает мне покоя. Покуда мир несовершенен — а вы согласитесь, что до совершенства нам еще далеко, — всякий благоустроенный человек, если есть в нем хоть капля совести, должен чувствовать себя в некотором роде подлецом. Ведь благоустроен-то он за счет кого-то. Лично я уже много лет выискиваю этих людей, чтобы поделиться с ними своим везением. Вернее, отдать им свой долг. Увы, мне это редко удается. Вы не поверите, но люди своими несчастьями дорожат не меньше, чем своими удачами. Никто, например, не соглашался поменять мой выигравший билет на свой пустой. От меня шарахались, как от зачумленного, а один даже вызвал милицию.

Я нахмурился. Мне никогда не везло ни в спортлото, ни в денежно-вещевые лотереи, но тем не менее...

— Простите, но если вы намереваетесь предложить мне счастливый билетик...

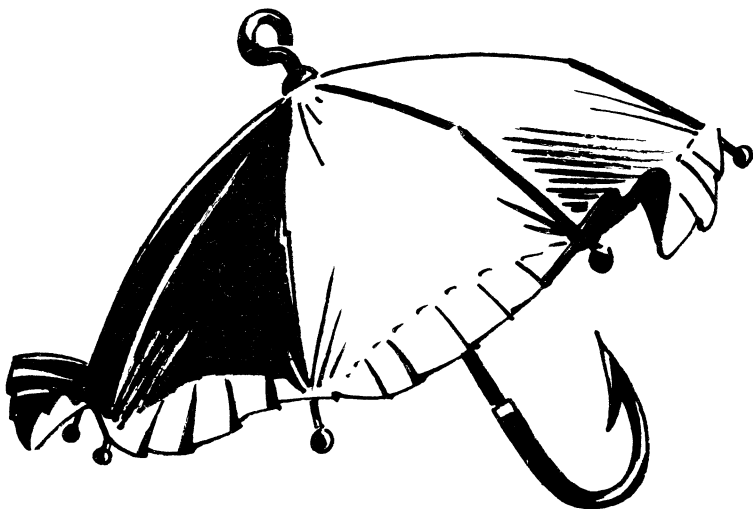
— Вы откажетесь, я знаю, — подхватил Боровичок. — Но вы не беспокойтесь, билетов у меня нет, я не покупаю их больше. Потревожил я вас из-за другого. Дело в том, что я случайно видел, как на вас кончились зонтики.

— Пустяки!

— Ну все-таки. У вас было такое расстроенное лицо. Когда очередь разошлась, я поинтересовался у продавца, что тут давали, и она выложила передо мной вот это, — и Вараночкин извлек из кармана то самое заморское чудо, из-за которого меня понапрасну теснили и сдавливали почти два часа.

— Она сама вам предложила?

— Как видите, — вздохнул Боровичок. — Оставался один на витрине, впопыхах все забыли о нем, а когда вспомнили, то я оказался тем самым счастливчиком... В общем, как всегда. Я купил его и тотчас бросился разыскивать вас. Ведь это был тот редчайший случай, когда я воочию увидел человека, оплатившего мое очередное везение. Возьми-

те! — И он обеими руками протянул мне чудо-зонттик. — Это мой скромный подарок вам.

Я живо спрятал руки за спину.

— Ни в коем случае! С какой стати вы должны дарить мне что-то? Вараночкин потерянно покивал головой, соглашаясь.

— Как всегда. А ведь я купил его специально для вас. Мне он ни к чему. Я никогда не попадаю под дождь.

— В таком случае я заплачу вам.

На Боровичка жалко было смотреть. Синие глаза потускнели, а плечи опустились.

— Но если другого выхода нет... — выдавил он.

Я отсчитал деньги и, горячо поблагодарив своего неожиданного благодетеля, отправился домой.

— Послушай, какой удивительный случай произошел со мной, — сказал я жене и, обстоятельно поведав всю историю, нажал рычажок.

Зонттик не раскрылся. Я еще раз нажал и еще — результат тот же. Да и что-то подозрительно легок был этот сложный механизм. Я загля-

нул внутрь и ахнул: там было пусто. Никакого зонтика, только футляр от него, а может быть, даже и не от него, а искусная имитация.

— Прохвост твой Вараночкин! — сразу же вынесла жена приговор. — Да и где ты выдывал, чтобы человек мучился из-за того, что ему хорошо, а другим плохо.

Не говоря ни слова, я отправился в универмаг, но, разумеется, там меня и слушать не стали. Без проверки ни один зонтик не отпускался.

— А самый последний, с витрины? У вас его такой Боровичок купил... В чесучовом костюме.

Боровичка не помнили. Однако передо мной до сих пор стоят сияние, полные тоски глаза, и я склонен думать, что произошло недоразумение. Какой-нибудь шутник на конвейере в заморской стране из озорства не начинил футляр, а дальше — проказы своевольной судьбы. Запомнявав, она сунула было пустой футляр своему баловню, но тут же спохватилась и переправила его по назначению. То есть человеку, у которого номера всех лотерейных билетов не сходятся с таблицей минимума на три единицы. Логично.

Но если даже жена права и Боровичок обманул меня, — что ж, у меня теперь есть утешение. В самом деле: не приобрести я у синеглазого прощельги в чесучовом костюме пустой футляр, он наверняка всучил бы его кому-то другому. Так или иначе, но замечательный баланс не был бы нарушен.

МИСТИФИКАТОР

Стоял сентябрь, когда он впервые появился у меня. Женщины еще в платьях ходили, мужчины — в рубашках, на моем же визитере темнела кожаная куртка. Тогда это не считалось шиком, как теперь. Потертые рукава, белые трещинки там и тут... В руке он держал небольшой баульчик.

Помню, мы осваивали электронные часы. Как всегда при изменении ассортимента — миллион проблем, и все их директор спихивал на меня, своего зама. В сильной запарке был я, а тут еще он. (Мистификатор.)

— Чем могу служить? — спросил я.

Он был коренаст, широкоплеч, с массивной головой на короткой шее. Возраст? Затрудняюсь определить даже приблизительно.

— Мне хотелось бы заказать у вас часы.

Заказать? Но часы, напомнил я, не ботинки, их не изготавливают по индивидуальным заказам. Время, слава богу, для всех одинаково.

— Вы так думаете? — осведомился он.

Зазвонил телефон (мой гость как-то странно покосился на него),

я взял трубку, показал глазами на стул. Помедлив, он осторожно сел, баульчик же поставил на колени.

— У каждого человека,— пояснил он, когда я закончил разговор,— свое время. Ваш час не равен моему.

Я не без ехидства полюбопытствовал, какова же в таком случае разница между его и моим временем.

Он доверчиво посмотрел мне в глаза.

— Не знаю. У меня ведь нет часов.

— Таких, которые измеряли б ваше собственное время?

Он открыл баульчик, достал вышитый «крестиком» носовой платок, отер испарину со лба.

— Вы, конечно, слышали выражение «обогнал время». У вас его употребляют в переносном смысле...

— У вас?

Он поправился:

— У нас. Разумеется, у нас.— И замолк. Баул оставался открытым, и оттуда вдруг донесся шорох.

— Уж не хотите ли вы сказать, что обгоняете время?

— Обгоняю,— признался он.— Вот только не знаю, namного ли... Я тут разработал одну принципиальную схему...

Он снова полез в баул, но вместо чертежей и расчетов извлек средних размеров черепаху. Держа ее на весу, копался в баульчике, пока не достал пачку исписанных листков.

— Вот! Кое-что я опустил, но это несущественно. Часы будут показывать не время вообще, а скорость проживания конкретного индивидуума. Того, кто носит их.

— На руке?— уточнил я.

Самый что ни на есть простой вопрос, но моего собеседника он поставил в тупик. С беспокойством косясь на меня, признался, что об этом не подумал как-то.

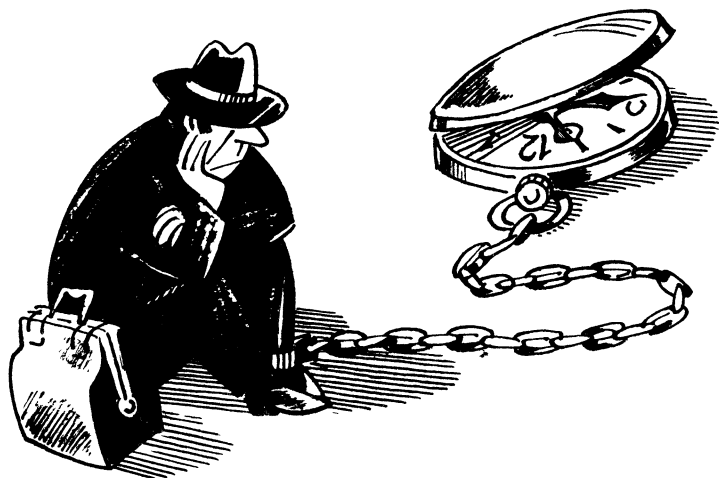
Хорошо помню, что именно в этот момент я поверил ему. Ненадолго, не до конца, но поверил. К несчастью, меня срочно вызвал директор, а когда я вернулся, кабинет был пуст. Вскоре я забыл о загадочном посетителе, но, увидев его через семнадцать лет, узнал сразу. И его самого, и потертую кожанку, и баульчик. Ни единой морщинки не прибавилось на гладковыбритом лице. Поклясться готов, что он не изменился совершенно. Это-то, вероятно, и было главным козырем в его мистификаторской игре. Всерьез утверждал он, что вовсе не семнадцать лет минуло после нашей встречи, а что-то около месяца.

— Точно сказать не могу, поскольку...

— Поскольку у вас нет часов,— подхватил я.— Вы ведь не оставили бумаг. И зря! За эти семнадцать лет мы, возможно, что-нибудь сделали б.

— К сожалению, я не мог прийти раньше. Я колебался.

— Все семнадцать лет?

— Весь месяц, — поправил он терпеливо. И объяснил, что если каждый начнет жить по своему времени, то люди просто-напросто перестанут понимать друг друга. Жена спрашивает, к примеру, будет ли муж бутерброд с сыром, он отвечает: нет, лучше с колбасой, — но отвечает через неделю. По ее часам...

— Но вы же находите с ней общий язык! С женой своей.

Он медленно покачал головой.

— Нет. К сожалению, нет... Мне вообще трудно удержаться с кем-либо в одном времени.

На лбу его, как и тогда, выступила испарина. Можно было подумать, что ему и впрямь стоило усилий не улететь в бог весть какие дали, куда мне, простому смертному, тащиться потом и тащиться.

О бумагах напомнил я. О той самой принципиальной схеме... Он открыл баул, но не бумаги вынул, а носовой платок. Знакомый мне вышитый «крестиком» носовой платок.

— Простите, но я должен еще немного подумать.

— О чем?

Баул оставался открытым, но — никакой возни, никаких шорохов.

— Я должен подумать, какие последствия повлечет переход на индивидуальное время.

— Но семнадцать лет назад... Простите, месяц назад вас эти последствия не волновали. — Очень уж хотелось мне хоть краем глаза взглянуть на его каракули.

— Тогда я только что закончил разработку. Как всякому автору, мне не терпелось воплотить ее в жизнь.

— Что же теперь останавливает вас? Пусть каждый знает... скорость своего проживания.

Он промокнул платком лоб.

— Вы полагаете? Но если люди поймут, что время, которое сегодня непреложный закон для всех, — ложь... Что у каждого — свое собственное время... Что тогда? Какое из них правильное? Человек ведь непременно задаст себе этот вздорный вопрос.

Не только на лбу, но и на щеках его заблестели капельки пота. Видимо, ему все труднее было оставаться в одном со мной времени.

— А ваша черепаха? — вспомнил я. — Она жива?

Рука с платком замерла. Тревожно глянув на меня, он полез в баул. Некоторое время шарил там и, наконец, вытащил своего бессловесного компаньона.

Тут в кабинет вошел кто-то, я отвлекся на минуту-другую и не заметил, как мой собеседник исчез.

Шесть лет минуло с тех пор, но он так и не появлялся больше. Впрочем, что для него шесть лет? Неделя какая-нибудь... От силы — полторы.

Я жду.

ГРЕК НА ЗАБОРЕ

— Сократ, — напомнил я, — не написал ни строчки, но тем не менее...

Народ слушал, но не так чтобы очень. Кое-кто конспектировал. Свободных мест было десятка полтора, не больше, — для лекции на философскую тему весьма недурственно.

Я пожегся. То ли в аудитории стало прохладнее, то ли меня знобило. Незаметно отвернув лацкан пиджака, мельком взглянул на крошечный с фирменным знаком термометр. Плюс восемнадцать. Малова-то...

— Истопник в котельной с обеда еще спит, — произнес лысый толстячок с предпоследнего ряда. — Наклюкался!

Я вежливо поблагодарил за информацию, застегнул пиджак и перешел к суду над великим греком.

— Признанный виновным, — говорил я с умеренным пафосом, — Сократ принял яд. Но разве себя обрек он на смерть? Он обрек на смерть — ибо позор равносителен смерти! — своих судей. Сократ жив...

— Но у него болит печень, — грустно вставил толстячок.

Теперь я посмотрел на него внимательней. Рачьи глаза, двойной подбородок... Явно великоватая ему, не первой свежести рубаша. Удивительные типы являются порой на публичные лекции!

Из клуба мы вышли вместе. Фирменный термометр под лашканом показывал минус десять, а мой спутник был бос.

— Вам не холодно? — осведомился я.

— Привык! — бросил он небрежно и заговорил о Платоне. — Экий поросенок! — пожурил он величайшего из философов. — Как суд описал, а?

— Так вы из Общества? — догадался я и окинул взглядом его странную фигуру. Термометра не было. — Как, простите, величать вас?

— Сократ, — представился он и добавил, поколебавшись: — Из Общества, конечно, но давно. Скоро уж два тысячелетия.

Я невольно замедлил шаг.

— А вы неплохо выглядите, доложу я вам. Почти не постарели. Он провел ладошкой по розовой лысине.

— Печень, — пожаловался смущенно. — А так ничего... Что новенького в мире?

Признаюсь, его любопытство насторожило меня.

— Органы пересаживают, — уклончиво ответил я. — Сердце, почки... А паспорт, простите, у вас есть? Или хотя бы военный билет?

Толстяк, сопя, вытащил из-за пазухи лепешку с творогом.

— Вот все, что у меня есть. Хотите половину?

Я благодарно покачал головой. Благодарно, но вместе с тем отрицательно.

— А чем, простите, вы докажете, что вы Сократ?

Он развел руками. Комочек творога упал на снег и затерялся бесследно.

— На вашем термометре — девять и семь десятых градуса.

На сей раз я не удивился.

— Понимаю, — сказал. — Понимаю... Вы проникательны. Вы видите то, что от простых смертных скрыто. Это прекрасно, но для современного мыслителя этого недостаточно. Нужен документ. Иначе вас могут привлечь за бродяжничество.

Сократ шмыгнул носом.

— Последний раз меня привлекали за что-то другое. Не помню. Каждый раз что-то новенькое.

— Прогресс, — сказал я. — Мир, как вам известно, дорогой коллега, не стоит на месте.

Подтверждая мои слова, из-за угла выкатил троллейбус. В дверях торчала женская сумочка.

Взяв философа за руку — чтобы, чего доброго, под колеса не угодил! — я заботливо перевел его через дорогу.

Слева от нас был невысокий каменный забор. Мы остановились.

— Я тут диссертацию о вас написал, — сделал я признание. — Докторскую.

Подпрыгнув (довольно резво для своего возраста), Сократ уселся на заборе.

— Зачем? — полюбопытствовал он.

Теперь настал мой черед развести руками. Про себя же думал: вдруг на защиту явится? И ладно бы сидел, слушал, сопел в две дырочки... а то ведь вопросы задавать начнет. С подковырочкой.

Я ласково обнял его.

— Послушайте, дорогой, на кой черт вам все это?

— Что — это? — спросил он, болтая, как ребенок, ногами.

— Все! Слава у вас есть? Есть! В энциклопедиях о вас пишут? Пишут! В университетах изучают? Изучают! Ну! Что, скажите, еще вам нужно? Зачем по свету шляетесь? Лежали б себе под кипарисиком.

Рачьи глаза мечтательно затуманились.

— Я бы с удовольствием...

— Ну так в чем же дело? Ведь вы приняли яд, насколько мне известно.

Сократ усмехнулся.

— Яд! Разве это яд! Вот во времена Гомера, говорят, был яд.

— Другой бы попробовали.

— Пробовал. Чем только не потчевали меня — не помогает. Только печень испортил. Вот, на диете сижу, — кивнул он на лепешку с творогом.

Я задумался. Жаль было мне коллегу, искренне жаль, хоть он и не написал ни строчки. И тут меня осенило.

— Послушайте! — воскликнул я. — А ртуть?

Великий грек с интересом повернул свою лысую голову.

— Ртуть? Вы думаете, поможет?

— А то нет! Обязательно поможет! — Я проворно достал термометр.

— А как же вы? — забеспокоился философ. — Вам ведь нужно следить за температурой.

— Пустяки! — браво сказал я. — Напишу заявление, сактируем, и мне выдадут новый.

Сократ колебался. Он был щепетильный человек и не желал доставлять ближнему лишние хлопоты. Да и печень к тому же...

Я дунул на термометр, аккуратненько тюкнул его о забор и бережно вылил ртуть в пухлую ладошку.

Мудрец с улыбкой предложил мне половину. Я благодарно покачал головой. Благодарно, но вместе с тем отрицательно.

— Я, знаете, обедаю дома... И потом, у меня еще лекция о Платоне.

КОНСУЛЬТАЦИЯ

В дверях стоял юноша с голубой папкой. Это был автор. Начинющий... Он сказал, что высоко ценит мои книги и хотел бы...

— Никогда, — отрезал я. — Никогда не буду я читать этого. — И — на папочку глазами, на папочку.

— Почему? Может быть, в моих скромных опытах...

— Тем более! — перебил я. — Даже если они не безнадежны. Даже если в них мерцают проблески таланта. Или россыпь таланта. Или целые залежи. Вы слышите? Целые залежи! Читать все равно не буду.

— Но почему?

— Потому что все уже сказано. Кое-кто, между прочим, понял это еще четыреста лет назад. И стал, не таясь, пересказывать — правда, собственными словами — уже написанное. Например, историю Ромео и Джульетты. Так что вы пойдете по третьему или даже по четвертому кругу. Если не по сотому.

Юноша переложил папку из одной руки в другую.

— Но я не могу не писать.

— Пишите,— сказал я.— Пишите письма, жалобы, докладные записки и записки объяснительные, заявления на отпуск, анонимки, черт возьми. Заведите тетрадь расходов и дневник погоды. Собственноручно заполняйте бланки в прачечной. Хорошо писать приходные ордера в сберкассах или на худой конец расходные. Пишите в лифте, когда вас никто не видит, но мелом, дорогой, мелом, дабы можно было стереть. В крайнем случае сочиняйте записки любимым девушкам. У вас есть любимая девушка?

Он потупился, розовея.

— Есть! — вскричал я.— У вас есть любимая девушка, а вы, прости, занимаетесь ерундой. Вы рискуете, безумец! О-о, вы очень рискуете.

— Чем?

— То есть как это чем? Да вы и впрямь спятили! Сейчас вы берете ее под руку, и дрожь бежит по вашим членам. Вы видите ее улыбку, и у вас замирает дыхание. Это сейчас. А потом? Вы знаете, что станет с вами потом? Что сделает с вами вот это? — И я кивнул на рукопись, залог бед и крушений.

— Что? — прошептал он.

— А то, что, беря за руку прекрасное создание и ощущая дрожь в теле, вы непроизвольно отметите: ага, дрожь! Пригодится для любовной сцены. Запомнить: возникает в районе лопатки и идет... Куда она идет? В район селезенки. Какая уж тут любовь! Какое самозабвение, когда день и ночь находишься под неусыпным надзором. Смеешься, а живущий в тебе секретарь регистрирует: смешно. Плачешь, а он заносит в протокол: грустно. Ужасный соглядатай! Хочешь прогнать его, а он фиксирует: гонит. И так изо дня в день, из года в год. Лишь послед-

нюю запись не успеет он сделать: «умер», — поскольку отдаст богу душу одновременно с вами. Но ведь и вы не успеете порадоваться, что хоть раз одурачили его. Вы боитесь собак?

— Собак?

— Ну да, собак. Обыкновенных собак. Дворянжек, овчарок, доберманов-пинчеров, московских сторожевых, колли, пуделей и бульдогов.

Он поморгал глазами, не понимая.

— Не боюсь.

— Так будете! — заверил я. — Собак, грозы, автомобильных катастроф, несвежих пирожных (и свежих тоже), хулиганов, болезни Боткина, а уж о раке и говорить нечего.

Он молчал. Судя по всему, он был смелым парнем. Пока...

— Пока! — произнес я и поднял палец.

— Пока — что?

— Пока у вас не разовьется фантазия. А она у вас разовьется непременно, коль скоро вы будете упражнять ее, — без этого какое ж писательство? И вот тогда-то, стоит вам увидеть на улице собаку, как перед мысленным вашим взором предстанет жуткая картина. К вам, оскалив зубы — ах, как хорошо видите вы эти чудовищные зубы! — устремляется пес, клыки его вонзаются в вашу мягкую белую икру, брызжет кровь, вам делают сорок уколов.

— Сорок?

— Именно сорок. Или даже сорок два. Парочку лишних вы, мнительный человек, выцыганите сами — на всякий случай. Потом вы слышите в автобусе, что кто-то умер от рассеянного склероза, приходите домой, открываете энциклопедию и тотчас обнаруживаете у себя все симптомы... А вы думали? Или вы полагаете, что фантазия, которую вы дрессируете ежедневно, так-то всегда и будет вашим покорным псом? Э, нет! Очень скоро она выйдет из повиновения и начнет такое вытворять... Такое... А мания несовершенства? А гарантированный проигрыш в вечном соревновании с классикой? А отсутствие выходных и отпусков, ведь настоящий писатель, как известно, работает всегда?

Я видел, что мой гость колеблется.

— Но я...

— Понимаю! — воскликнул я. — Вы не мыслите подлинного счастья без сочинительства. Прекрасно! В таком случае назовите мне хотя бы одного счастливого писателя. Хотя бы одного! Толстой? Но он сбежал из дома и умер на чужой койке. Бальзак? Его убил кофе в пятьдесят лет — самый расцвет для мужчины. Стендаль умер на улице, и всего лишь одна газета напечатала о нем, переврав фамилию, крохотный некролог. Мопассан сошел с ума, а Сервантес подался в монахи. Гоголь...

— Довольно! — закричал он. — Довольно!

И бросился вон, унося рукопись.

Я придвинул стопку чистой бумаги и вывел: «Часть шестая. Глава первая».

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА

«Итак, — написал я, — секрет долголетия открыт...» И тут по потолку, только с обратной его стороны, застучали каблук. Они стучали звонко и радостно, как, собственно, и полагается стучать каблукам на стройных ногах девятнадцатилетней красавицы.

Здрав голову, я терпеливо ждал. Вот, услышал, открыли шкаф, вот уронили что-то (кажется, губную помаду), вот наконец бросили: «Адью!» — и долгожданная тишина наступила. «Итак, — написал я, — секрет долголетия...» Но в этот момент сосед слева врубил Аллу Пугачеву. Нет, дома работать положительно невозможно. Сунув в карман блокнот и ручку, я выскочил на улицу.

До парка было двадцать минут на троллейбусе. Блюдя тишину, водитель не объявлял остановок, так что все три десятка пассажиров без помех внимали захватывающей истории некоего Мишки по кличке Сундук. Ее громоподобно излагал стоящий на задней площадке юнец. Трое других прерывали рассказ смехом, от которого вибрировали стекла. Не вытерпев, я вышел на остановку раньше.

Мысли, одна другой замечательней, стали вновь выстраиваться в нечто связное. Это были все те же мысли о долголетье, секрет которого поведала мне 92-летняя баба Фрося. Или, точнее, не поведала, а продемонстрировала.

То был миниатюрный приборчик, название которого не отражало его сути. Я лично именую его генератором бессмертия. Конечно, тут имеет место преувеличение. Бессмертия, полного бессмертия приборчик не обеспечивает, но вот что продлевает жизнь, и продлевает надолго, сомнению не подлежит.

Обо всем этом я и собирался писать. В голове окончательно созрела первая фраза (та самая, начатая еще дома), но у входа в парк мимо меня с самолетным ревом пронесли двое мотоциклистов. Фраза рассыпалась, а я испуганно нырнул под спасительную сень вековых деревьев.

По вечерам в парке крутили музыку, но сейчас, слава богу, время массово-развлекательной работы еще не наступило. Я углубился в тенистый уголок, однако едва вывел, расположившись на пеньке: «Итак, секрет долголетия...» — как воздух сотряс женский голос:

— Водитель Куренков, зайдите в диспетчерскую!

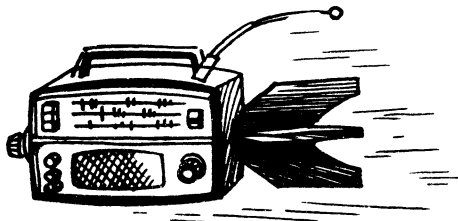
Вздвигнув, я огляделся. Ни диспетчерской, ни водителя Куренкова поблизости не было, лишь верхушки сосен качались. Я глядел на них, здрав голову, и думал, что если забраться туда и поглядеть в бинокль, то, наверное, можно обнаружить и гараж, и диспетчерскую, и водителя Куренкова, копающегося в двухстах метрах от нее возле своей машины, и даже репродуктор, что неведомо зачем разносит далеко окрест ведомственный голос. А еще я думал, что не существует, наверное, такого места в нашем благословенном городе, где можно было бы закончить в тишине и покое бедное сочинение. Да и только ли в нашем?..

Пройдя с грехом пополам экологический ликбез, мы берем наконец под защиту воду и воздух, но ведь тишина — это тоже окружающая среда. Вернее, бывшая окружающая, поскольку теперь вовсе не тишина окружает нас, а какофония звуков, как естественных, так и искусственных. Набор этих последних особенно велик: от густого утробного урчания катка, что утюжит под вашими окнами свежеположенный асфальт, до пулеметных очередей отбойных молотков, с помощью которых асфальт этот спустя месяц рушат. А транзисторы и магнитофоны, триумфально заглушающие пение птиц в наших парках и шум прибоя на морском побережье! А автомобильный террор, что преследует нас и дома, и на работе!

Помню, в одной из европейских стран наш туристический автобус долго шел в железобетонном коридоре, специально проложенном здесь, дабы машины не беспокоили жителей окрестных домов. Мы о таком пока что и мечтать не смеем. Время от времени, правда, кое-кто подает голос в защиту тишины, но разве услышишь его в том круглосуточном гуле, среди которого мы обречены жить! Жить, глотая седуксен, мучаясь бессонницами и в конце концов сходя в мир абсолютной тишины гораздо раньше, нежели это предопределено природой.

А между тем секрет долголетия открыт. Приборчик, обеспечивающий его, давно существует: моя добрая знакомая баба Фрося не расстается с ним вот уже полвека.

Это слуховой аппарат. Обычный слуховой аппарат, который мудрая долгожительница отключает всякий раз, когда душа ее жаждет тишины и покоя. Гениальное изобретение! Жаль только, пользоваться им могут лишь те, у кого неважно со слухом.

СОДЕРЖАНИЕ

Живая вода	2
Уносимые ветром	5
Стена	9
Имя	17
Дежурный при человеке	20
Покушение на сервис	22
Тореадор топорщит усы	24
Бзик	26
Пятнышко	27
Вовик и сгул	29
Он	30
Зонтик	34
Мистификатор	37
Грек на заборе	40
Консультация	43
Средь шумного бала	46

Руслан Тимофеевич КИРЕЕВ

УНОСИМЫЕ ВЕТРОМ

Редактор А. И. Ходанов
Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 31.08.88. Подписано к печати 03.11.88.
А 11820. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 2
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 3,18. Усл. кр.-отт. 2,45. Тираж 75000 экз.
Заказ № 3055. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда» Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Весной 1960 года по симферопольским улицам ходил с «Крокодилом» под мышкой восемнадцатилетний человек и с ликованием глядел на прохожих. У человека был праздник. Каждые пятнадцать шагов он останавливался, открывал журнал и смотрел на свою фамилию — Р. Киреев — под бичующим порок восьмистишием.

«Как видите, — писал в письме обалдевшему от счастья пииту многоопытный литературный консультант С. Шевелев, — дорожка на страницы журнала проторена».

Потом человеку исполнилось двадцать один, он почувствовал, что года к суровой прозе клонят, и написал повесть. Отнюдь не юмористическую. Ее напечатали. Засим романы пошли. Хорошие или плохие — автору неизвестно, поскольку критики на этот счет к согласию до сих пор не пришли. Одни хвалят вздохом, другие бьют беспощадно. Что остается сочинителю? Разве что улыбаться... Что он и делает по мере сил, свидетельство чему — настоящая книжка.